

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Актуальные проблемы квалификации преступлений против общественной безопасности и общественного порядка»

Студент

И.П. Лаптев

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Понятие и виды преступлений против общественной безопасности и общественного порядка по российскому и зарубежному уголовному законодательству.....	8
1.1 Понятие преступлений против общественной безопасности и общественного порядка по российскому уголовному законодательству	8
1.2 Виды преступлений против общественной безопасности и общественного порядка.....	15
1.3 Ответственность за преступления против общественной безопасности и общественного порядка по зарубежному уголовному законодательству.....	25
Глава 2 Спорные вопросы квалификации отдельных преступлений против общественной безопасности.....	38
2.1 Вопросы квалификации преступлений террористической направленности	38
2.2 Вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 209 и 210 УК РФ	52
Глава 3 Спорные вопросы квалификации отдельных преступлений против общественного порядка	68
3.1 Вопросы квалификации хулиганства	68
3.2 Вопросы квалификации вандализма	81
Заключение	88
Список используемой литературы и используемых источников	93

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что обеспечение охраны общественного порядка и общественной безопасности от противоправных посягательств выступает одним из основных направлений деятельности правоохранительной системы государства. Ускоренные темпы развития и усложнения общественных отношений на современном этапе влекут появление новых видов преступных деяний, эффективную защиту от которых государство стремится обеспечить путем совершенствования и обновления законодательства.

Одной из актуальных проблем современного мира выступает терроризм. Политика террора с каждым днём становится более опасной и находит всё больше своих последователей. В опасности может оказаться не только какое-либо государство, его жители и общественная безопасность, но более всего опасность реальна на международном уровне. В России с конца XX века угроза терроризма начинает возрастать, террористические акты становятся более масштабными и более жестокими. На сегодняшний день Россия по-прежнему остаётся целью организованных террористических группировок. С течением времени терроризм находит новые пути исполнения, а так же обретает целую систему, которая помогает преступникам оставаться безнаказанными. Таким образом, характерное для современного мира усиление террористической угрозы требует формирования эффективного и согласованного механизма противодействия ей как на национальном, так и на международном уровнях.

Согласно статистическим данным ГИЦ МВД России, количество преступлений террористической направленности имеет устойчивую тенденцию к росту. Так, в 2018 году зарегистрировано 1679 преступлений террористического характера, в 2019 году – 1806, что на 7,6% выше, чем в предыдущем году, а в 2020 году количество преступлений данной категории возросло на 29,7% (2342). В 2021 году числу преступлений данной категории

снизилось на 8,8% (2136). Однако в текущем 2022 году вновь наметилась тенденция к росту преступлений террористической направленности – на 2,2% (за январь-апрель) [94].

По итогам 2021 года на 12% (75) возросло число зарегистрированных преступлений, связанных с хулиганством на всех видах транспорта, в том числе на объектах железнодорожного транспорта на 20,8% – до 64 преступлений, из которых большая часть совершена в поездах дальнего следования – 47 (+11,9%) и только 7 – на стационарных объектах (станциях и вокзалах). На объектах воздушного и речного транспорта зарегистрировано 10 (-28,6%) и 1 (+100%) преступлений соответственно. Исключением стал только морской транспорт, на котором правонарушения данной категории не выявлялись [45, с. 79].

Степень разработанности рассматриваемого института связана с исследованиями известных специалистов: Н.В. Беляевой, А.Г. Блажнова, И.А. Журавлева, В.Л. Кудрявцева, В.С. Комиссарова, А.В. Липатьевой и других.

Объектом исследования является уголовно-правовое определение преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, отдельных разновидностей данной категории посягательств, проблемы квалификации отдельных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, а также практика применения уголовного законодательства в сфере противодействия преступлений раздела IX УК РФ.

Предметом исследования являются уголовно-правовые нормы российского законодательства об ответственности за преступления против общественной безопасности и общественного порядка, международные правовые акты, материалы судебной практики по исследуемым вопросам.

Гипотеза исследования состоит в том, чтобы подготовить предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части регламентации функций прокурора, если:

- исследовать нормы уголовного законодательства, которые закрепляют ответственность за преступления против общественной безопасности и общественного порядка;
- проанализировать особенности квалификации отдельных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, представляющих наибольшую актуальность.

Для реализации намеченной цели были поставлены следующие задачи:

- дать общую характеристику преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка;
- провести классификацию преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка;
- провести анализ зарубежного законодательства об ответственности преступления против общественной безопасности и общественного порядка;
- дать уголовно-правовую характеристику отдельным преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка с выделением спорных моментов.

Теоретико-методологическую основу исследования составили научные труды известных отечественных ученых в области уголовного права. Базовыми для настоящего исследования явились также: Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

Методы исследования составляют такие способы и средства исследования как: логический, формально-юридический метод, сравнительно-правовой, историко-правовой и другие методы.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой комплексное исследование наиболее актуальных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка с учетом современных научных точек зрения и материалов правоприменительной практики за последние годы.

Теоретическая значимость исследования обусловлена выводами и рекомендациями, сформированными в настоящей магистерской диссертации. Именно они составили теоретическую основу проведения дальнейших исследований вопросов ответственности за преступления против общественной безопасности и общественного порядка.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что результаты, которые получены в его ходе, могут быть внедрены в учебный процесс в виде лекционного материала по дисциплине «Уголовное право 3».

Личное участие автора в организации и проведении исследования состоит в том, что диссертант самостоятельно выполнил выбор темы исследования, лично собрал все теоретические и эмпирические материалы, провел их анализ, подготовил предложения и оформил научную публикацию по теме исследования.

Апробация результатов велась в течение всего исследования. Его результаты докладывались на VIII Международной научно-практической конференции «Государство, право, общество: проблемы взаимодействия (политология, юридические науки, история, культурология, социология)» с опубликованием статьи на тему «Ответственность за преступления террористической направленности по УК РФ».

На защиту выносятся:

- одним из оснований классификации преступлений против общественной безопасности и общественного порядка является видовой объект преступления, который лежит в основе деления УК РФ на главы;
- размер наказания за совершение отдельных преступлений против общественной безопасности (террористический акт, захват заложника) сопоставим с размером наказаний за наиболее тяжкое преступление против личности – убийство (ст. 105 УК РФ);
- состав бандитизма необходимо ограничивать, в первую очередь, от преступлений, которые связаны с созданием организованных групп,

руководством ими или участия в них (незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества), а также от некоторых квалифицированных составов корыстно-насильственных преступлений (разбоя). Действующий УК РФ не разрешил возникшие в теории и практике вопросы разграничения вышеперечисленных составов преступлений, а, наоборот, породил дополнительные вопросы, связанные с применением норм, которые регламентируют ответственность за групповые преступления.

- для решения проблем квалификации хулиганства, обусловленных, прежде всего, сложностью установления хулиганского мотива, как обязательного признака рассматриваемого состава преступления, представляется целесообразным дополнить на законодательном уровне объективную сторону состава хулиганства таким признаком как «общественное место»;
- в целях унификации норм Особенной части уголовного закона, устранения проблем при квалификации в правоприменительной деятельности и разрешения споров среди представителей доктрины уголовного права, видится целесообразной необходимость дополнения ч. 2 ст. 214 УК РФ таким квалифицирующим отягчающим признаком, как группа лиц по предварительному сговору.

Структура магистерской диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие и виды преступлений против общественной безопасности и общественного порядка по российскому и зарубежному уголовному законодательству

1.1 Понятие преступлений против общественной безопасности и общественного порядка по российскому уголовному законодательству

В разделе IX Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [110] предусмотрена ответственность за преступления против общественной безопасности и общественного порядка.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу конкретных видов посягательств против общественной безопасности и общественного порядка, необходимо раскрыть сущность основополагающих терминов – «общественная безопасность» и «общественный порядок».

Общее определение безопасности было впервые закреплено в ч. 1 ст. 1 Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 года (утратившего в настоящее время силу): «Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [28].

Таким образом, исходя из положений данного Закона совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства – это жизненно важные интересы. К основным объектам безопасности закон относит: личность – ее права и свободы, общество – его материальные и духовные ценности, государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

В ныне действующем Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (далее – Закон о безопасности), понятие безопасности не раскрывается. Но здесь определяются основные виды деятельности по

обеспечению безопасности: прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности; определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности; правовое регулирование в области обеспечения безопасности; разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления; применение специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности; разработку, производство и внедрение современных видов вооружения, военной и специальной техники, а также техники двойного и гражданского назначения в целях обеспечения безопасности; организацию научной деятельности в области обеспечения безопасности; координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности; финансирование расходов на обеспечение безопасности, контроль за целевым расходованием выделенных средств; международное сотрудничество в целях обеспечения безопасности; осуществление других мероприятий в области обеспечения безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации [120].

Одной из важнейших функций государства как политико-правового образования, характеризующегося наличием фундаментальных признаков (народ, территория, государственная власть), является правоохранительная деятельность как производная от управленческой и судебной. Она направлена на обеспечение важных для государства объектов – правопорядка и общественной безопасности – основы нормальной жизни граждан, деятельности предприятий и организаций. Правоохранительная функция государства всегда имеет отрицательную направленность – вытеснение из общественной жизни негативных явлений (антиобщественного поведения и правонарушений), в том числе и противоправных посягательств [122].

Без охраны правопорядка и обеспечения общественной безопасности положительные функции государства (управление финансами, экономикой, наукой, образованием, здравоохранением, культурой, искусством, социальным обеспечением и др.) [12, с. 55] перестанут осуществляться и превратятся в фикции [91, с. 94].

Правопорядок – это «система социальных и правовых общественных отношений, возникающих и развивающихся между людьми в общественных местах, правомерная реализация которых обеспечивает соблюдение личной и общественной безопасности, нормальное общение людей, охрану их чести, достоинства, жизни и здоровья, согласованное функционирование государства и общества, обеспечиваемая деятельностью правоохранительных органов, и в первую очередь органов внутренних дел» [129, с. 38].

Понятие общественной безопасности раскрывается в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685. В п. 4 данной Концепции дается следующее определение общественной безопасности: «...состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [42].

Сущность общественной безопасности Российской Федерации в литературе понимается как система общественных отношений, создающих нормальные безопасные условия функционирования общественной жизни, неприкосновенность которой гарантируется государством; в узком понимании, как совокупность общественных отношений, взаимосвязанных с проявлением негативных свойств источников повышенной опасности в случаях неправильного их использования или испытания [69, с. 137].

В качестве угроз специалисты рассматривают: крупные катастрофы на транспорте, атомных электростанциях, заводах, фабриках, нефте- и газопроводах, в ходе осуществления строительных работ в общественных

местах; стихийные бедствия; биологические факторы (эпидемии, эпизоотии, нашествия саранчи и др.). Также к источникам опасности относятся: огнестрельное оружие [51, с. 158]; боеприпасы, в местах, где они приобретаются, хранятся и перевозятся; взрывчатые вещества в местах, где они приобретаются и хранятся, объекты, где они обращаются [67, с. 116].

Условием успешного обеспечения общественной безопасности является соблюдение норм использования источников повышенной опасности, правил борьбы со стихийными бедствиями, эпидемиями, эпизоотиями. Факторами, оказывающими влияние на общественную безопасность, являются: состояние правопорядка, благоустройство территории, оборудование стадионов, торговых и культурных центров, других объектов (социальных мест), предназначенных для массового посещения людьми.

Содержание общественной безопасности Российской Федерации интегрировано совокупностью элементов (субъект, объект, содержание, угрозы безопасности, силы и средства субъектов обеспечения безопасности), которые имеют материальные, волевые и правовые характеристики. Оно характеризуется: многосторонностью и многообразием волевых отношений людей [41, с. 43]; наличием правовых норм, регулирующих отношения людей; установлением юридической ответственности за правонарушения; существованием субъектов, осуществляющих специальные функции по обеспечению общественной безопасности посредством способов и методов, закрепленных законодательно [90, с. 69].

Структура общественной безопасности Российской Федерации – это совокупность устойчивых связей и всестороннего взаимодействия между частями общества, обеспечивающих целостность общества и тождественность его самому себе, сохранность обществом своих основных свойств в условиях воздействия внешних и внутренних деструктивных факторов.

На основе системного подхода раскроем более детально структуру общественной безопасности Российской Федерации как системы, которая включает в себя ряд подсистем (компонентов):

- подсистему взглядов на обеспечение общественной безопасности как части национальной безопасности Российской Федерации – Концепцию общественной безопасности Российской Федерации, выполняющую одновременно, с одной стороны роль идеологии, объединяющей различные классы, группы, общество в целом, с другой стороны – программы действий;
- подсистему законов (нормативных правовых актов, принятых путем референдума или законодательным органом РФ и регулирующих наиболее значимые общественные отношения) и иных правовых норм (правил поведения, установленных государством и обязательных для всех в пределах области своего действия, обеспеченных принудительной силой государства);
- подсистему государственных органов, а также органов местного самоуправления, формальных институтов гражданского общества, действующих на основании полномочий, установленных законодательством Российской Федерации и составляющих в своей совокупности силы обеспечения общественной безопасности в различных областях общественной жизни: в социальной сфере; в межнациональной сфере; в правоохранительной сфере; в природной и техногенной сфере (в области пожарной, химической, биологической, ядерной, радиационной, гидрометеорологической, промышленной и транспортной безопасности) [29, с. 7] [41, с. 44].
- подсистему неформальных институтов гражданского общества, негосударственных структур и общественных объединений и организаций (общественные советы при органах исполнительной власти субъектов РФ, решающих задачи правоохранительной деятельности; частные детективные и охранные агентства; общественные объединения правоохранительной направленности, народные дружины), общественная правоохранительная деятельность которых основана на мерах общественного

воздействия в сфере правоохранительной деятельности (в формах профилактического воздействия; в формах добровольного участия граждан РФ в охране общественного порядка). Роль институтов гражданского общества в России неуклонно возрастает. Они становятся всё более значимым партнёром государства в решении социально значимых задач [30, с. 21] [41, с. 44].

- подсистему средств и методов обеспечения общественной безопасности, основанную на принципах соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина; законности; приоритета профилактических мер; системности и комплексности мер, применяемых силами обеспечения общественной безопасности в тесном взаимодействии с общественными объединениями, международными организациями и гражданами.

Необходимо обратить внимание на то, что, помимо термина «общественная безопасность» в законодательстве также употребляется термин «национальная безопасность». В частности, Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее по тексту – Стратегия) [114]. В п. 4 Стратегии указывается на то, что её правовую основу, в том числе, составляет Закон о безопасности.

В подпункте 1 п. 5 Стратегии под национальной безопасностью понимается «... состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [114].

Определение «национальная безопасность» более широкое, чем термин «общественная безопасность». Иными словами «общественная безопасность»

– это часть национальной безопасности. Исходя из определения национальной безопасности к преступлениям, посягающим на такую безопасность, относятся не только деяния, размещенные в разделе IX УК РФ, но и преступления против личности (Раздел VII), и против экономики (Раздел VIII), и против государственной власти (Раздел X). При этом необходимо обратить внимание, что непосредственным объектом преступлений против государственной власти, размещенных в Главе 29, является внутренняя и внешняя безопасность государства, еще одна разновидность национальной безопасности.

Законодательное определение общественного порядка отсутствует, хотя данный термин, как объект правовой охраны, используется в нескольких нормативно-правовых актах, например, в Федеральном законе от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» [121].

В науке под общественным порядком понимается конкретный порядок волевых общественных отношений, которые складываются при осуществлении процесса, имеющего сознательный и добровольный характер, соблюдения гражданами установленных нормами права, а также иными носящими преимущественно неюридический характер правилами поведения в сфере общения, тем самым обеспечивающих наиболее слаженную и устойчивую жизнь людей в плане совместного существования [35, с. 96].

Другой автор рассматривает общественный порядок как состояние, характеризующееся отсутствием широко распространенного криминального и политического насилия, такого как похищения, убийства, беспорядки, поджоги и запугивание целевых групп или отдельных лиц. При этом условии такая активность сводится к приемлемому минимуму, преступники преследуются, арестовываются и задерживаются, а местное население – независимо от того, к какой стороне конфликта они могут принадлежать – может свободно перемещаться по стране, не опасаясь неправомерного насилия [33, с. 35].

Раздел IX УК РФ объединяет разные по характеру и степени общественной опасности преступления – от деяний, собственно посягающих на общественную безопасность, до преступлений, где непосредственным объектом является компьютерная безопасность. В п. 1.2 Главы 1 диссертационного исследования будет подробно рассмотрен вопрос о видах преступлений против общественной безопасности и общественного порядка.

1.2 Виды преступлений против общественной безопасности и общественного порядка

Как отмечалось в предыдущем параграфе, преступления против общественной безопасности и общественного порядка размещены в Разделе IX УК РФ. Законодатель поставил охрану общественной безопасности и общественного порядка на третье место после охраны личности и отношений в сфере экономики. В учебной литературе относительно такого расположения преступлений против общественной безопасности и общественного порядка указывается, что «забота о безопасности и порядке должна быть внутренне присуща любому звену общественного организма – и отдельному его представителю, и широкому объединению людей» [49, с. 372].

А.В. Точка справедливо обращает внимание на высокую степень общественной опасности преступных посягательства, предусмотренных в разделе IX УК РФ, обусловленную их способностью нарушать и дезорганизовывать деятельность государственных и общественных институтов. Как пишет автор, «они в своей совокупности посягают на интересы общества» [95, с. 74].

Всего раздел IX УК РФ насчитывает 112 статей, от ст. 205 УК РФ до ст. 274 УК РФ. Рассредоточены они по пяти главам. Соответственно, одним из оснований классификации преступлений против общественной безопасности и общественного порядка является видовой объект преступления, который лежит в основе деления УК РФ на главы.

Таким образом, следуя данной классификации, можно выделить следующие виды преступлений против общественной безопасности и общественного порядка:

- преступления против общественной безопасности. Это составы преступлений, предусмотренные ст. ст. 205-227 УК РФ. Всего глава 24 УК РФ, в которой размещены данные посягательства, насчитывается 43 статьи;
- преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Это составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 228-245 УК РФ Они закреплены в главе 25 УК РФ. Всего данная глава содержит 36 статьи;
- экологические преступления. Глава 26 УК РФ содержит 17 уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за экологические общественно опасные посягательства. Это статьи с 246 по 262;
- преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Это составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 263-271.1 УК РФ. Всего глава 27 УК РФ, в которой размещены данные посягательства, насчитывается 12 статей;
- преступления против компьютерной информации. Это составы преступлений, предусмотренные ст. ст. 272-274.1 УК РФ Они закреплены в главе 28 УК РФ. Всего данная глава содержит 4 статьи.

Анализ статистических сведений свидетельствует о том, что приоритет отдается вопросам борьбы с отдельными преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка.

Так, аналитический сборник «Состояние преступности в России» начинается с раздела «Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации». В п. 12 данного раздела акцентируется внимание на том, что в 2021 году было выявлено 179,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 5,4% меньше, чем за аналогичный

период прошлого года. При этом сотрудниками органов внутренних дел выявлено 173,8 тыс. преступлений (-5,0%). По сравнению с 2020 годом на 7,9% сократилось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Также в 2021 году сократился их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 59,1% (2020 год) до 57,6% [73].

В следующем пункте анализируемого раздела содержится информация о преступлениях террористического характера – в 2021 году было зарегистрировано 2136 случаев таких посягательств, что на - 8,8% ниже по сравнению с 2020 годом.

Во втором разделе «Общие сведения о состоянии преступности» отдельные строки отведены показателям по: хулиганству 1679 случаев; посягательствам в сфере нарушения правил дорожного движения – 84544 случаев (здесь объединены показатели по ст. 264 УК РФ (18217 случаев) и ст. 264.1 УК РФ (66327 случаев)). Указывается доля данных общественно опасных деяний и в общей структуре преступности – 0,1% (хулиганство); 3,3% (нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию); 0,9% (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) [73].

В отдельные разделы выделены статистические данные о преступлениях, связанных: с незаконным оборотом оружия; с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ; о преступлениях в сфере компьютерной информации.

Необходимо отметить, что преступления против общественной безопасности и общественного порядка не равноценны по степени и характеру общественной опасности. В части их расположения прослеживается тот же принцип, который заложен при размещении разделов Особенной части УК РФ, – поставление на первое место преступлений, посягающих на наиболее ценные объекты уголовно-правовой охраны.

Таким образом, применительно к преступлениям, расположенным в разделе IX УК РФ, приоритетным является охрана общественной безопасности. При этом размер наказания за совершение отдельных преступлений против общественной безопасности (террористический акт, захват заложника) сопоставим с размером наказаний за наиболее тяжкое преступление против личности – убийство (ст. 105 УК РФ).

Анализ учебной и монографической литературы свидетельствует о том, что преступления против общественной безопасности принято подразделять на виды в зависимости от непосредственного объекта. Так, традиционно данную категорию общественно опасных посягательств классифицируют на четыре группы:

Первая группа – это преступления, посягающую на общественную безопасность как часть видового объекта главы 24 УК РФ. Это преступления террористического характера (составы от ст. 205 до ст. 205.6 УК РФ); преступления, предусмотренные ст.ст. 206, 207, 207.1, 207.2, 208, 209, 210, 210.1, 211, 212, 212.1, 227 УК РФ.

Вторая группа – это преступления, посягающие на общественный порядок. К данной группе относятся два состава, которые предусмотрены ст.ст. 213 и 214 УК РФ.

Третья группа – это преступления, связанные с нарушением специальных правил в определенных сферах соблюдения общественной безопасности (атомной энергетики, электроэнергетики, жилищного и коммунального хозяйства, ведомственной или государственной охраны и т.д.). Соответственно, к данным общественно опасным деяниям относятся составы, предусмотренные ст.ст. 215, 215.1, 215.2, 215.3, 215.4, 216, 217, 217.1, 217.2, 219, 224, 225 УК РФ.

Четвертая группа – это преступления, где обязательным признаком состава выступает специальный (общеопасный) предмет. К таким общественно опасным посягательствам относятся деяния, предусмотренные

ст. ст. 218, 220, 221, 222, 222.1, 222.2, 223, 223.1, 224, 225, 226, 226.1 УК РФ [37, с. 22-23].

В отличие от В.С. Комиссарова, в одном из учебников по уголовному праву, массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ) и пиратство (ст. 227 УК РФ) отнесены ко второй группе, то есть к преступлениям против общественного порядка [130, с. 387-388].

Ещё в одном учебнике приводится более «дробное» деление преступлений главы 24 УК РФ, на семь групп. Здесь в отдельные группы выделены преступления террористического характера; преступления, имеющие отношения к специальным формам соучастия (ст.ст. 208, 209, 210 УК РФ); преступления, сопряженные с захватом и (или) завладением различного имущества, совершенные общеопасным способом (ст.ст. 211, 227 УК РФ); преступления, совершаемые во время производства специализированных работ (ст. ст. 215, 217 УК РФ); преступления, в которых обязательным признаком выступают такие специальные предметы как оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства (ст.ст. 222-226 УК РФ).

Схожую точку зрения занимает А.В. Боков, который, в зависимости от объективных и субъективных признаков подразделяет преступления против общественной безопасности и общественного порядка на шесть групп [97, с. 471].

Преступления, предусмотренные главой 25 УК РФ, также подразделяются на виды в зависимости от непосредственного объекта. Соответственно, здесь выделяют две группы общественно опасных посягательств – преступления против здоровья населения (ст. ст. 228-239 УК РФ) и преступления против общественной нравственности (ст. ст. 240-245 УК РФ) [11, с. 388].

Относительно преступлений первой группы необходимо отметить, что здоровье как объект посягательства в данном случае понимается шире – здоровье применительно к преступлениям, размещенным в главе 16 раздела 7

УК РФ. Так, если непосредственным объектом преступлений главы 16 УК РФ является здоровье конкретного человека, то непосредственным объектом преступлений главы 25 УК РФ выступают здоровье всей общности людей, целой нации.

Преступления против здоровья населения в свою очередь подразделяются на две подгруппы:

Первая подгруппа – преступления, в состав которых в качестве обязательного признака включен специальный предмет – наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, прекурсоры, сильнодействующие и ядовитые вещества, потенциально опасные психоактивные вещества. Это ст. ст. 228-234.1 УК РФ.

Вторая подгруппа – иные преступления (ст. ст. 235-239 УК РФ) [37, с. 6].

Как нам кажется, если за основу классификации взять объект и объективную сторону, то преступления против здоровья населения необходимо подразделить на четыре подгруппы:

Первая подгруппа аналогична вышеуказанной (ст. ст. 228-234.1 УК РФ).

Вторая подгруппа – преступления, связанные с осуществлением незаконных видов деятельности; оказанием услуг и работ, не отвечающих требованиям безопасности (ст. ст. 235, 235.1, 238, 238.1 УК РФ).

Третья подгруппа – преступления, связанные с нарушением санитарно-эпидемиологических правил (ст. ст. 236, 237 УК РФ).

Четвертая подгруппа – преступления, связанные с деятельностью некоммерческих организаций, чья деятельность создает опасность для здоровья населения (ст. 239 УК РФ).

Преступления второй группы затрагивают различные аспекты общественной нравственности, в связи с чем, их, по нашему мнению, необходимо подразделить на следующие подгруппы:

Первая подгруппа – преступления, связанные с оказанием платных сексуальных услуг (ст. ст. 240, 240.1, 241 УК РФ).

Вторая подгруппа – преступления, связанные с оборотом порнографии (ст. ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ).

Третья подгруппа – преступления, обязательным признаком которых выступают специальные предметы (памятники истории и культуры, археологические предметы, воинские захоронения, животные, тела умерших). Это ст. ст. 243-245 УК РФ.

В главе 26 УК РФ, как отмечалось выше, размещены экологические преступления.

Ю.И. Ляпунов определяет данную категорию преступлений как деяния, совершенные с намерением причинить вред окружающей природной среде» [53, с. 17].

В.В. Петров определяет экологические преступления как виновные противоправные общественно опасные деяния, посягающие на установленный в РФ общественный правопорядок, экологическую безопасность общества и причиняющие вред окружающей природной среде [66, с. 88].

Э.Н. Жевлаков характеризует экологические преступления как «деяния, посягающие на общественные отношения по сохранению качественно благоприятной природной среды, рациональному использованию ее ресурсов и обеспечению безопасности населения» [23, с. 197].

Необходимо отметить, что среди всех преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, экологические посягательства обладают одним из самых высоких уровней латентности. На это обращают внимание ряд исследователей [57, с. 38], часть из которых, например, М. Н. Копылов [43, с. 88], В.В. Круглов и Е.Ю. Гаевская [46, с. 194], А.Ф. Шарипкулова [128, с. 5] указывают, что процент латентности данных деяний составляет 95-99 %.

Такую ситуацию ученые объясняют несколькими обстоятельствами. Первым – тем, что большинство экологических преступлений нет четких формально-определенных отграничительных признаков от административных правонарушений. Вторым – несовершенством и пробельностью

действующего законодательства. Третьим – отсутствием кодифицированности экологического законодательства и, вследствие этого, его обширности. Четвертое – отсутствием современного технического оснащения для контроля и своевременного выявления фактов негативного воздействия на окружающую среду [57, с. 39].

Что касается видов экологических преступлений, то здесь также нет единства мнений среди ученых. Так, О.Л. Дубовик предлагает многоуровневую классификацию [21, с. 88]. Н.А. Лопашенко выступает за поэтапную классификацию [52, с. 28].

Третья группа авторов предлагает традиционную классификацию по предмету и объекту преступления. Следуя данной классификации, экологические преступления подразделяются на две группы:

Первая группа – это деяния, посягающие на экологическую безопасность окружающей среды (ст. ст. 246-249 УК РФ);

Вторая группа – это деяния, посягающие на экологическую безопасность компонента окружающей среды (ст. 250-262 УК РФ) [24, с. 68].

Следующая группа преступлений раздела IX УК РФ, как отмечалось выше, размещена в главе 27 УК РФ. Видовым объектом данных общественно опасных деяний, иначе именуемых «транспортные преступления», является безопасность движения и эксплуатации транспорта как часть общественной безопасности. Относительно их классификации на виды среди ученых существует несколько точек зрения. Так, одни ученые считают, что к категории транспортных преступлений следует отнести посягательства, включенные только в главу 27 УК РФ. Другие понятие транспортных преступлений трактуют более широко, выделяя три разновидности таких посягательств:

- преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. ст. 263-271 УК РФ);

- иные преступления, связанные с различными видами транспортных средств (автомобиль; воздушные, морские, речные суда (ст.ст. 166, 211, 227, 325.1, 326 УК РФ);
- воинские транспортные преступления (ст.ст. 350, 350, 352 УК) [27, с. 29].

Другие исследователи, среди которых такие видные представители как В. Л. Кудрявцев [47, с. 89], С.М. Кочои [44, с. 101], В.Н. Кудрявцев [88, с. 213] классифицируют преступления главы 27 УК РФ на виды в зависимости от объекта посягательства. Это еще раз подтверждает ранее выдвинутый постулат о том, что такое деление является наиболее распространенным. Исходя из данного основания, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта классифицируются на две группы:

Первая группа – преступления, непосредственно связанные с нарушениями правил безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Вторая группа – преступления, не связанные непосредственно с нарушениями правил безопасности движения и эксплуатации транспорта.

При этом мнения ученых относительно того, какие составы преступлений к какой группе относятся, разделились.

Так, к первой группе все относят преступления, предусмотренные ст.ст. 263 и 264 УК РФ, а ко второй – преступления, предусмотренные ст.ст. 267 и 270 УК РФ. Однако В.Л. Кудрявцев придерживается другого мнения относительно ст. 270 УК РФ [47, с. 90].

Что же касается других транспортных преступлений, то, в частности составы по ст.ст. 263.1, 269, 271 и 271.1 УК РФ, по справедливому мнению Н.В. Самойлюк, необходимо отнести ко второй группе в связи с тем, что данные посягательства не связаны с соблюдением установленных правил движения и эксплуатации транспортных средств и нарушением безопасности функционирования транспорта [89, с. 12].

К первой группе некоторые авторы также относят преступления, предусмотренные: ст.ст. 264.1, 267.1 [89, с. 12], 266 [100, с. 202] и 268 УК РФ [47, с. 90] [66, с. 214].

Последнюю категорию преступлений против общественной безопасности и общественного порядка составляют деяния в сфере компьютерной информации, то на сегодняшний день глава 28 УК РФ насчитывает всего четыре состава.

Как отмечает А.Н. Попов, «в уголовно-правовой литературе встречаются такие понятия, как «преступления в сфере компьютерной информации», «компьютерные преступления», «киберпреступления», «интернет-преступления» и др.» [71, с. 6].

Автор отмечает, что перечисленные понятия неравнозначны. В частности, термин «компьютерные преступления» он предлагает использовать в трех значениях: во-первых, как тождественный термин «преступления в сфере компьютерной информации»; во-вторых, как информационные компьютерные преступления; в-третьих, как киберпреступления (интернет-преступления) [71, с. 6].

Круг информационных компьютерных преступлений, по мнению А.Н. Попова, «образуют преступления, совершаемые в сфере использования информационно-телекоммуникационных (компьютерных) технологий. Это преступления в сфере компьютерной информации, а также иные преступления, которые совершаются в сфере использования информационно-телекоммуникационных (компьютерных) технологий» [71, с. 7].

Таким образом, необходимо отметить, что в части оснований классификации преступлений против общественной безопасности и общественного порядка на виды среди ученых выработана единая позиция. Приоритетной является классификация по объекту преступления. А вот на предмет отнесения конкретного состава преступления к той или иной группе мнения ученых разделяются, что вполне объяснимо, поскольку возникает

разная трактовка непосредственного объекта и признаков объективной стороны преступления.

1.3 Ответственность за преступления против общественной безопасности и общественного порядка по зарубежному уголовному законодательству

Необходимо отметить, что ответственность за преступления против общественной безопасности и общественного порядка закреплена в нормативно-правовых актах как международного, так и национального уровня.

Перечень международно-правовых актов, составляющих правовую основу обеспечения общественной безопасности и общественного порядка весьма обширен. Значительную часть составляют международно-правовые акты, связанные с противодействием террористической деятельности.

Так, в ст. 1 Европейской конвенции о пресечении терроризма 1977 г. содержится перечень преступлений террористического характера:

- преступление, подпадающее под действие положений Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, подписанной в Гааге 16 декабря 1970 г.;
- преступление, подпадающее под действие положений Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, подписанной в Монреале 23 сентября 1971 г.;
- серьезное преступление, связанное с покушением на жизнь, физическую неприкосновенность или свободу лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов;
- преступление, связанное с похищением, захватом заложников или серьезным незаконным насильственным удержанием людей;
- преступление, связанное с применением бомб, гранат, ракет, автоматического стрелкового оружия или взрывных устройств,

вложенных в письма или посылки, если подобное применение создает опасность для людей;

- покушение на совершение одного из вышеуказанных преступлений или участие в качестве сообщника лица, которое совершает подобное преступление или покушается на его совершение [31].

Так, в преамбуле Гаагской конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г. указано, что акты незаконного захвата или осуществления контроля над воздушным судном угрожают безопасности лиц и имущества, серьезно нарушают воздушное сообщение и «подрывают веру народов мира в безопасность гражданской авиации» [39].

Аналогично определены цели конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации от 23 сентября 1971 г. [40].

В Международной конвенции по борьбе с бомбовым терроризмом от 16 декабря 1997 г. в качестве основной цели принятия данного акта названа необходимость поддержания международного мира и безопасности, развитие добрососедства и дружественных отношений и сотрудничества между государствами [55].

Согласно Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма, акты, методы и практика терроризма представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами ООН, что может угрожать международному миру и безопасности, ставить под угрозу дружественные отношения между государствами, препятствовать международному сотрудничеству и вести к подрыву прав человека, основных свобод и демократических основ общества. Преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового,

этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание [18].

Рассмотрение уголовного законодательства стран дальнего зарубежья следует начать с Уголовного уложения Федеративной республики Германии от 15 мая 1871 года (далее – УК ФРГ), как наиболее близкого к российскому законодательству источнику права.

Ответственность за преступления террористической направленности, отдельные транспортные преступления, массовые беспорядки, за организацию вооруженных групп и преступных сообществ предусмотрена в разделе 7 «Преступные деяния против общественного порядка» УК ФРГ [14, с. 17].

Таким образом, те деяния, которые по российскому законодательству относятся к посягательствам против общественной безопасности, по немецкому законодательству – к деяниям против общественного порядка.

Кроме того, к преступлениям против общественного порядка по УК ФРГ относятся те деяния, которые по УК РФ образуют группу преступлений экстремистской направленности, относимую к посягательствам против государственной власти. Так, в § 130 УК ФРГ говорится об ответственности за травлю групп населения, а именно:

- умышленные действия, направленные на разжигание вражды на национальной, расовой, религиозной почве;
- призывы к насилию в отношении определенных групп населения;
- посягательства на достоинства индивида путем выражения пренебрежения по отношению к конкретной социальной группе [14, с. 239].

Сопоставление с последующим анализом норм, названных выше, указывает на разные подходы к расположению установок уголовно-правового статуса, запрещающих умышленные действия, направленные на разжигание вражды на национальной, расовой, религиозной почве, призывы к насилию в отношении определенных социальных групп, посягательства на достоинство личности посредством пренебрежительного отношения к той или иной

социальной группе. При этом практически невозможно выделить наиболее целесообразный подход. В российских законах упор сделан на антиобщественный характер деяний, противоречащих гарантированному Основным законом России недопущению негативного отношения к индивиду на основании какого-либо социального признака. Не согласиться с тем, что действия террористов существенным образом нарушают общественный порядок, нельзя.

§ 130 УК ФРГ ограничивается в отношении дискриминируемого субъекта формулировкой о части населения. Этот вариант толкования представляется нам идентичным положениям ст. 282 УК РФ, но в более лаконичном виде.

Следует отметить, что, называя в ч. 2 § 130 УК ФРГ часть населения как признак, здесь содержится также указание на отношение дискриминируемого лица к определенной национальной, расовой, религиозной группе, что представляется нам юридически не обоснованным. Трудно понять необходимость одновременного применения тождественных признаков.

Примечательно, что запрет на незаконные манипуляции с экстремистскими материалами содержится в отдельной норме УК ФРГ – ч. 2 § 130. Согласно отечественному законодательству, такие действия относятся к поступкам, направленным на разжигание вражды на национальной, расовой, религиозной почве, призывам к насилию в отношении представителей определенных социальных групп.

Специфическая норма имеется в ч. 3 § 130 УК ФРГ: меры государственного принуждения предусмотрены за публичное непризнание, оспаривание или одобрение массового насилия, направленного на уничтожение национальной, расовой, этнической или религиозной группы людей, при обязательном условии, что осуществляющее такого рода действия лицо является приверженцем наиболее агрессивных идей правого экстремизма. В актуальном отечественном законодательстве аналога этой

норме нет, что автоматически предусматривает отсутствие наказания за деяния такого рода.

При этом вполне допустимо говорить о тождественной сущности норм ч. 1 § 130 УК ФРГ и ст. 281 УК РФ: даже при отсутствии конкретных формулировок вопрос регулируется соответствующими общими предписаниями.

Согласно немецким законам, экстремистская деятельность и руководство ею также подлежат наказанию. Однако Уголовный кодекс этой страны демонстрирует более гибкий подход к данной проблеме:

- в документе существует отдельная глава об угрозе государственному строю, соответствующему воле народа, общепризнанным правам и свободам личности;
- запреты на деятельность не признаваемых законом общественных или религиозных структур подпадают под действие норм более общего характера, согласно которым наказанию подлежит функционирование любого противоправного формирования. К примеру, в § 84 УК ФРГ сказано, что продолжение деятельности признанной не соответствующей конституции партии является уголовно наказуемым. Если же незаконное объединение относится к структурам иного рода, ответственность за его деятельность следует определять на основании § 85 уголовного закона этой страны [133, с. 328-329].

В УК ФРГ нет ответственности за хулиганство, а составы преступлений, по содержанию схожие с составом вандализма по ст. 214 УК РФ, включены в раздел 27 «Повреждение вещей» (§§ 303, 304, 305). В этом же разделе предусмотрена ответственность за компьютерный саботаж (§ 303b) [14, с. 405-407].

А по уголовному законодательству США понятию «хулиганство» соответствует термин «нарушение общественного порядка»: «disorderly conduct», «breach of the peace».

Как пишут Роллин М. Перкинс и Рональд Н. Бойс, «начало нашего уголовного судопроизводства было связано в значительной степени с проблемой обеспечения общественного порядка, гарантируемого короной всем подданным и находящимся под ее защитой лицам. Поэтому первые обвинительные акты большого жюри (indictments) содержали фразу «против порядка короны»; и до недавнего времени обвинительные акты считались неполными без такого заключения, как «нарушения против порядка и знати государства». Вследствие этого все подсудные преступления иногда рассматривались как деяния, нарушающие общественный порядок и, следовательно, в широком смысле термин «breach of the peace» (нарушение общественного порядка) считается синонимом термина «преступление» [136, с. 183].

Анализ законодательства США о противодействии терроризму свидетельствует о «размытости» границ уголовно-правового определения «преступление террористического характера». К данной категории американский законодатель относит достаточно большое количество преступлений, посягающих и на личность, и на общественную безопасность, и на отношения в области компьютерных технологий и коммуникаций [139, с. 105].

Преступления террористического характера признаются в США одними из наиболее опасных уголовно наказуемых посягательств, о чем свидетельствуют санкции за подобного рода посягательства. За большинство из них максимальное наказание в виде лишения свободы может достигать 10 лет, а за террористический акт, захват заложника, которые повлекли за собой гибель людей, – смертная казнь или пожизненное лишение свободы [135, с. 50].

Такие санкции соответствуют положениям ч. 3 ст. 205 и ч. 3 ст. 206 УК РФ за исключением наказания в виде смертной казни.

В Великобритании определение «терроризма» приобрело законодательное закрепление в «Террористическом законе 2000 года»

(Terrorism Act 2000). Из положений данного нормативно-правового акта следует, что «террористический акт трактуется как действия или угроза их совершения, ориентированные оказать воздействие на правительство, какие-либо международные организации, либо запугивание населения страны или его части, когда они совершаются в целях достижения религиозных, политических и других интересов» [137, с. 9]. Такие действия «совершаются с применением насилия в отношении населения или причинения значительного материального ущерба, они угрожают жизни и безопасности людей, их мирному существованию, их имуществу, а также национальной безопасности целой страны» [138, с. 88].

Анализируя уголовное законодательство стран ближнего зарубежья на предмет ответственности за преступления против общественной безопасности и общественного порядка необходимо отметить как сходства, так и различия по данному вопросу с российским уголовным законодательством как в части расположения рассматриваемой категории преступлений, так и в части выделения их видов и формулировки признаков составов. Так, Особенная часть Уголовного кодекса Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I [111] (далее – УК Туркменистана) состоит из восьми разделов (от раздела VII до раздела XIV). Ответственность за преступления против общественной безопасности и общественного порядка предусмотрена в разделе XII, который именуется «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения». Таким образом, туркменский законодатель не считает настолько приоритетной задачей охрану общественной безопасности как российский законодатель. Необходимо отметить, что преступления в сфере компьютерной информации по УК Туркменистана выделены в самостоятельный раздел, то есть не относятся к деяниям, посягающим на общественную безопасность и общественный порядок, а посягательства на отношения в сфере нравственности отнесены к преступлениям против личности (Глава 20 «Преступления против несовершеннолетних, семьи и нравственности», ст.ст. 164-166 УК Туркменистана). В остальном виды преступлений против

общественной безопасности и общественного порядка, исходя из видового объекта, по УК Туркменистана совпадают с положениями УК РФ. Рассматривая конкретные виды преступления, необходимо отметить, что, к примеру, деяния, связанные с вовлечением и (или) организацией занятия проституции, по УК Туркменистана относятся, не к преступлениям против нравственности как по УК РФ, а к преступлениям против половых отношений. Захват заложника (ст. 130) включен в главу 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» раздела VII «Преступления против личности» наряду с незаконным лишением свободы (ст. 129). По УК РФ незаконное лишение свободы (ст. 127) и захват заложника (ст. 206), два тесно соприкасающихся состава по признакам объективной стороны, разведены по разным разделам. Соответственно, захват заложника отнесен к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка [111].

По Уголовному кодексу Республики Узбекистан, утвержденному Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-ХП [109] (далее – УК Узбекистана), преступления против общественной безопасности и общественного порядка, как и по УК Туркменистана, размещаются в конце особенной части кодекса. Они расположены на предпоследнем месте перед воинскими преступлениями. По УК Узбекистана, как и по УК Туркменистана, преступления против нравственности отнесены к деяниям против личности – Глава V. Преступления против семьи, молодежи и нравственности. А вот преступления, посягающие на экологические отношения, выделены в самостоятельный раздел, идущий следом за разделом «Преступления в сфере экономики». Таким образом, узбекский законодатель придает большое значение охране экологических отношений. Обращает внимание тот факт, что жестокое обращение с животными (ст. 202.1) отнесено к экологическим преступлениям. Что же касается компьютерных преступлений, то, как и по УК РФ, они отнесены к посягательствам против общественной безопасности и общественного порядка. При этом необходимо отметить, что по УК Узбекистана разведены преступления, посягающие на общественную

безопасность и общественный порядок по отдельным главам – главы XVII и XX соответственно. Следовательно, здесь на законодательном уровне решен данный вопрос, в отличие от УК РФ. В частности, к преступлениям против общественного порядка отнесены два состава – хулиганство и организация и проведение азартных и других основанных на риске игр (по российскому законодательству последнее деяние относится к преступлениям в сфере экономической деятельности) [109].

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 [108] (далее – УК Таджикистана), в отличие от законодательства двух ранее рассмотренных стран, ответственности за преступления против общественной безопасности и общественного порядка отведено приоритетное значение – разделы о данных посягательствах (VIII-X, XII) размещены сразу после раздела о преступлениях против личности. При этом осуществляется дифференциация ответственности в зависимости от вида безопасности (общественной, экологической и информационной). Кроме того разграничены деяния против общественной безопасности и общественного порядка. К последней категории отнесены хулиганство и вандализм, что, как отмечалось выше, соответствует позиции российских ученых по данному вопросу. Вместе с преступлениями против общественного порядка таджикский законодатель в одной главе поместил преступления против нравственности [108].

По Уголовному кодексу Азербайджанской Республики, утвержденному Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ [103], структуризация преступлений против общественной безопасности и общественного порядка наиболее приближена к положениям российского уголовного законодательства.

При этом разведены по отдельным главам деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, и посягающие на общественную нравственность. Обращают на себя внимание некоторые формулировки, например, «морской разбой» – ст. 219-1 (аналог

«пиратства» по УК РФ), «киберпреступления» – глава 30 (аналог «преступлений в сфере компьютерной информации») [103].

Интересной представляется конструкция Уголовного кодекса Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV [107] (далее – УК Молдова). Здесь особенная часть подразделяется только на главы (18 глав). Преступления против общественной безопасности и общественного порядка размещены в главе 13.

При этом ответственность за незаконный оборот наркотиков и преступления против нравственности; экологические преступления, компьютерные преступления (именуемые «Информационные преступления и преступления в области электросвязи»), транспортные преступления размещены в отдельных главах [107].

В Уголовном кодексе Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 [104] (далее – УК Кыргызстана), размещение преступлений против общественной безопасности и общественного порядка фактически аналогично структуре Особенной части УК РФ. Однако деление данных преступлений на виды имеет ряд отличий.

В частности, как и по УК Таджикистана и УК Узбекистана, в УК Кыргызстана разделены преступления против общественной безопасности и преступления против общественного порядка. Так, ко второй категории отнесены не только хулиганство (ст. 280) и вандализм (ст. 281), но и массовые беспорядки (ст. 278). Кроме того, к этому виду отнесен весьма интересный состав, в котором говорится об ответственности за незаконное перекрытие дорог (ст. 279). Данная норма состоит из двух частей. В части 1 говорится об организации или руководстве незаконным перекрытием дороги, путей сообщения, повлекшем причинение значительного вреда, а в части 2 – о незаконном участии в такой деятельности. Как и по УК Туркменистана, преступления, связанные с вовлечением в занятие проституции и оборотом порнографических материалов, по УК Кыргызстана отнесены к преступлениям против личности, именуясь «преступления против духовно-

нравственного здоровья личности». В отдельную разновидность выделены деяния, посягающие на безопасность в промышленности, строительстве и сфере обращения с источниками повышенной опасности. К таким деяниям, в частности, относятся посягательства, связанные с незаконным оборотом взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий [104].

По Уголовному кодексу Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III [112] (далее – УК Украины) также проводится разграничение преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. При этом последних насчитывается четыре состава. Помимо традиционного хулиганства (ст. 296) и массовых беспорядков (ст. 294) (которое, как отмечалось выше, относится к данной категории по УК Кыргызстана, а также некоторыми российскими авторами) к преступлениям против общественного порядка украинским законодателем относятся: групповое нарушение общественного порядка (ст. 293) и призывы к совершению действий, угрожающих общественному порядку (ст. 295). Однако анализ содержания составов по ст. ст. 293 и 295 УК Украины свидетельствует о том, что это все является разновидностью массовых беспорядков. Что касается остальных преступлений, то по УК Украины экологические преступления, преступления против здоровья населения, компьютерные и транспортные преступления выделены в самостоятельные разделы, т.е. не относятся к разновидностям посягательств против общественной безопасности и общественного порядка [112]. Схожая конструкция уголовного законодательства свойственна и Республике Беларусь. Здесь также проводится четкое разграничение между преступлениями против общественной безопасности (Раздел X) и общественного порядка (Раздел XI). При этом перечень преступлений против общественного порядка по Уголовному кодексу Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (далее – УК Беларусь) [105] весьма обширен – семь составов: хулиганство (ст. 339), заведомо ложное сообщение об опасности (ст. 340), осквернение сооружений и порча имущества (ст. 341), пропаганда

или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики (ст. 341.1), организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них (ст. 342), пропаганда самоубийства (ст. 342.1), неоднократное нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий (ст. 342.2). Сравнивая данный перечень с положениями УК РФ можно сделать вывод, что все указанные посягательства либо образуют состав хулиганства (ст.342 УК Беларусь) или вандализма (ст. 341 УК Беларусь), либо относятся к деяниям террористической направленности (ст. 340 УК Беларусь), либо включены в состав массовых беспорядков (ст. 342. 2 УК Беларусь), либо образуют административное правонарушение экстремистской направленности (ст. 341.1 УК Беларусь) [105].

В Уголовном кодексе Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (далее – УК Казахстана) [106], как и по УК Молдова, деление особенной части проводится только по главам. При этом выделены в самостоятельные категории, т.е. не относятся к преступлениям (по УК Казахстана используется наименование «уголовное правонарушение») против общественной безопасности и общественного порядка, компьютерные, экологические и транспортные преступления, преступления против здоровья населения и нравственности. Что касается видов преступлений против общественной безопасности и общественного порядка (Глава 10 УК Казахстана), то сравнительный анализ с УК РФ свидетельствует о том, что в целом их перечень соответствует положениям УК РФ [106].

На основании изложенного, можно предложить следующие выводы по данной главе:

Понятие общественной безопасности раскрывается в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации. Помимо термина «общественная безопасность» в законодательстве также употребляется термин «национальная безопасность». Определение «национальная безопасность» более широкое, чем термин «общественная безопасность».

Иными словами, «общественная безопасность» – это часть национальной безопасности.

Всего раздел IX УК РФ насчитывает 112 статей, от ст. 205 УК РФ до ст. 274 УК РФ. Рассредоточены они по пяти главам.

В части оснований классификации преступлений против общественной безопасности и общественного порядка на виды среди ученых выработана единая позиция. Приоритетной является классификация по объекту преступления. А вот на предмет отнесения конкретного состава преступления к той или иной группе мнения ученых разделяются, что вполне объяснимо, поскольку возникает разная трактовка непосредственного объекта и признаков объективной стороны преступления.

Соответственно, одним из оснований классификации преступлений против общественной безопасности и общественного порядка является видовой объект преступления, который лежит в основе деления УК РФ на главы.

Применительно к преступлениям, расположенным в разделе IX УК РФ, приоритетным является охрана общественной безопасности. При этом размер наказания за совершение отдельных преступлений против общественной безопасности (террористический акт, захват заложника) сопоставим с размером наказаний за наиболее тяжкое преступление против личности – убийство (ст. 105 УК РФ).

Анализируя уголовное законодательство стран ближнего зарубежья на предмет ответственности за преступления против общественной безопасности и общественного порядка необходимо отметить как сходства, так и различия по данному вопросу с российским уголовным законодательством как в части расположения рассматриваемой категории преступлений, так и в части выделения их видов и формулировки признаков составов.

Глава 2 Спорные вопросы квалификации отдельных преступлений против общественной безопасности

2.1 Вопросы квалификации преступлений террористической направленности

Исходя из примечания 1 к ст. 205.1 УК РФ к преступлениям террористической направленности относятся деяния, предусмотренные ст.ст. ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ [110].

В Перечне № 22 к Указанию Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (далее – Перечень) к таким деяниям также отнесены преступления, предусмотренные ст.ст. 205.6, 361 УК РФ [115]. Также в Перечне допускается отнесение к рассматриваемой категории посягательств те деяния, которые могут быть связаны с террористической деятельностью или финансированием терроризма, а именно: ст.ст. 207, 209, 210, 210.1, 222, 222.1, 223, 223.1, 226, 281, 282.1, 282.2, 295, 317, 318, 355 УК РФ [115].

Таким образом, можно сделать вывод, что терроризм является многогранным, сложным явлением, которое, к сожалению, является неотъемлемой частью общественной жизни последних десятилетий. В сознании всего общества и в законодательстве практически всех государств он представляет собой одно из самых серьезных преступлений, ответственность за которые предусматривает наказание вплоть до высшей меры.

На сегодняшний день в связи со сложившейся внешнеполитической обстановкой в России, а также некоторыми внутривнутриполитическими процессами, управляемыми извне, вопрос оперативного и эффективного

противодействия терроризму является одной из главных задач органов государственной власти и силовых структур.

Из приведенных выше положений законодательства следует, что современная российская уголовно-правовая наука, а также российский законодатель уделяют существенное внимание нормам, предусматривающим ответственность за различные формы террористической деятельности. Российская история института уголовной ответственности за террористическую деятельность показывает нам, что каким бы важным он не считался в настоящее время, на протяжении многих веков российской государственности преступления террористической направленности заключали в себе разный смысл.

Я.Ю. Тулупов пишет о том, что истоки терроризма имеют давнюю историю, уходящую в древнее время. Однако в те периоды он в большей степени отождествлялся с посягательством на жизнь правителя государства или тем, что мы сегодня называем государственным мятежом. В Российской Федерации терроризм также относится к наиболее тяжким преступлениям, и на протяжении последнего десятилетия институт уголовной ответственности за терроризм претерпевал существенные изменения [96, с. 160].

Из вышеперечисленных деяний, относящихся к террористической деятельности, наибольшую часть составляют те, которые размещены в разделе IX УК РФ, являющемся предметом исследования настоящей диссертации.

Как отмечалось в предыдущей главе, непосредственным объектом преступлений террористической направленности, является общественная безопасность. Однако не все авторы с этим согласны.

Так, по мнению М.В. Лебедева, охраняемые уголовным законом общественные отношения, права и ценности, на которые, как правило, направлен преступный умысел террористов, следует считать равным, если не основным объектом преступлений террористической направленности, признав устаревшим доминирующее в уголовно-правовой доктрине

признание объектом преступлений террористической направленности лишь общественной безопасности, которая никак не определена в действующем законодательстве [50, с. 42].

В этой связи названный ученый объектом преступлений террористического характера предлагает считать национальную безопасность, а не узко – общественную безопасность, как это принято сейчас, так как рассматриваемые преступления всегда в совокупности угрожают личности, обществу, государственной и иным видам безопасности, посягая, таким образом, на национальную безопасность [50, с. 42].

Несмотря на обширный перечень преступлений террористической направленности, центральным элементом понятия терроризма является террористический акт, влекущий наиболее серьезный ущерб. В связи с этим остановимся подробно на отдельных вопросах, связанных с уголовно-правовой характеристикой ст. 205 УК РФ.

Ст. 205 УК РФ состоит из трех частей, включающих: основной состав (ч. 1), квалифицированный и особо квалифицированные составы (ч.ч. 2, 3).

Критериями повышения степени общественной опасности данного деяния являются:

- совершение террористического акта в соучастии;
- наступление общественно опасных последствий в виде физического и имущественного вреда;
- форма вины по отношению к последствиям в виде смерти человека;
- место совершения преступления и средства совершения преступления.

В диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ перечислены основные признаки террористического акта, характеризующие объективную и субъективную стороны данного состава.

Так, законодатель путем фразы «совершение взрыва, поджога или иных действий...» конкретизировал форму совершения общественно опасного деяния по ст. 205 УК РФ – только активное действие [110].

На конструкцию состава по ч. 1 ст. 205 УК РФ в зависимости от объективной стороны указывают слова о «создание опасности» наступления общественно опасных последствий (смерть человека, имущественный ущерб).

М.Д. Дурманов такой состав преступления именуется усеченным. Его характерным признаком автор называет то, что законодатель признает преступление оконченным, когда деяние непосредственно направленное на объект, охватываемый умыслом виновного, еще не совершено, однако этот объект уже ставится в явную опасность причинения вреда [22, с. 90]. Поддерживая позицию М.Д. Дурманова по этому вопросу, М.М. Гитинова пишет, что к так называемым усеченным составам преступлений фактически относят те составы, которые законодателем сформулированы особым способом, те, которые считаются законченными на этапе, который по своей природе фактически является приготовлением или покушением на совершение определенного деяния [13, с. 281].

Помимо действий, совершаемых общеопасным способом (взрыв, поджог), в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ говорится об угрозе совершения подобных действий.

Под понятием угрозы террористического акта следует понимать психическое воздействие, которое выражается в запугивании, устрашении населения, органов власти и местного самоуправления, создании определенной опасности.

Угроза террористического акта должна быть выражена в намерении совершить действия, которые прямо прописаны в диспозиции уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 205 УК РФ, а именно совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного вреда либо наступления иных тяжких последствий. Для привлечения к уголовной ответственности установление признака реальности высказанной угрозы является обязательным [38, с. 20].

Данный признак характеризует серьезность намерения, готовность к его реализации.

Реальность угрозы выражается в конкретных действиях, которые способны вызывать обоснованные опасения ее осуществления у лиц, получивших угрозу. Исходя из этого, признак реальности совмещает в себе объективные и субъективные факторы [58, с. 228]. К действиям, свидетельствующим о реальности угрозы, можно отнести, например, приобретение, изготовление взрывчатого устройства, оружия, его публичную демонстрацию, выстрелы в воздух в целях предупреждения.

По мнению Я. А. Эйсмонт в судебной практике большее значение уделяется объективному признаку, так как угроза террористического акта должна быть подкреплена действиями, даже если высказанная угроза была воспринята как реальная, вызвав обоснованные опасения относительно возможности осуществления террористического акта [132, с. 231].

Однако наш собственный анализ материалов судебной практики опровергает данное утверждение. Так, апелляционным определением Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 15 октября 2019 г. № 203-АПУ19-15 оставлен без изменения приговор Приволжского окружного военного суда от 20 мая 2019 г., в соответствии с которым С.В. Наплавков был осужден по ч. 1 ст. 205 УК РФ.

Совершенное осужденным преступление заключалось в том, что он во время рассмотрения Первомайским районным судом его гражданского дела 9 октября 2017 г. высказал в адрес суда и участвующим в деле лиц угрозу совершения взрыва и поджога. При этом в тот момент С.В. Наплавков находился на территории прогулочного двора ФКУ ИК-1 УФСИН России по Удмуртской Республике, где отбывал наказание за ранее совершенное убийство. Иными словами преступление было совершено дистанционно. В этой связи адвокат осужденного А.С. Меркулова в апелляционной жалобе указал, что реальной возможности осуществить угрозу у С.В. Наплавкова не было ввиду отбывания лишения свободы. Кроме того, в жалобе утверждалось,

что высказывания С.В. Наплавкова в судебном заседании 9 октября 2017 г. не образуют состав инкриминированного ему преступления, поскольку носили метафорический характер, не содержали конкретных угроз, а лишь выражали его психическое состояние, сообщников он не имел, познаниями в области взрывотехники не обладал.

Но данные доводы апелляционным судом были отвергнуты на том основании, что объективную сторону состава преступления по ч. 1 ст. 205 УК РФ образует само по себе высказывание субъектом преступления угрозы совершения взрыва, поджога в целях воздействия на принятие решений органами власти. При этом определяющим для установления наличия угрозы по смыслу ч. 1 ст. 205 УК РФ является направленность умысла субъекта преступления на восприятие ее органами власти как реальной, то есть связанной с обоснованными опасениями возможности ее реализации, в том числе в будущем [7].

Таким образом, из данного определения видно, что никаких конкретных действий со стороны осужденного по реализации угрозы не было. Суды первой и второй инстанций, опираясь на показания свидетелей, на данные о личности С.В. Наплавкова, на содержание высказанных им слов, акцентировали внимание на том, что объективную сторону состава преступления по ч. 1 ст. 205 УК РФ образует само по себе высказывание субъектом преступления угрозы.

Данное решение суда в полной мере соответствует толкованию угрозы совершения террористического акта, озвученной в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [77] (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 09.02.12 г. № 1).

Здесь указано, что подобного рода угроза может быть выражена различными способами, в частности, устно. При этом, ни о каких действиях,

которыми должна сопровождаться угроза, в Постановлении Пленума ВС РФ от 09.02.12г. № 1 не говорится.

В другом примере из судебной практики действительно было установлено, что угроза совершения террористического акта была подкреплена определенными действиями со стороны осужденного (А.Р. Петросяна). А именно, было указано, что «угрозы Петросяна взорвать помещение АО КБ «Ситибанк» с находившимися в нем людьми, если его требования не будут выполнены или кто-то из клиентов или работников банка не останется на своих местах и будет предпринимать активные действия, они восприняли реально и испугались за свою жизнь, а в подтверждение серьезности своих намерений А.Р. Петросян заявил, что он «смертник», ему терять нечего, и продемонстрировал самодельную бомбу, которую он намеревался взорвать с помощью рации». При этом, как указано в определении, по данному уголовному делу было установлено, что устрашающими население признаются такие действия, которые по своему характеру способны вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье [3].

Что касается субъективной стороны террористического акта, то здесь обязательным признаком, помимо вины в форме и в виде прямого умысла, является специальная цель – дестабилизация органов власти или муниципального образования или воздействие на принятие решения органом власти или муниципального образования. Эти цели носят политический характер, и политический характер – существенный признак, отличающий террористическое преступление от корыстных и иных общеуголовных преступлений.

Преступления террористического характера, прежде всего террористический акт, содержат в своей основе огромную подготовительную работу. В этой связи тесно соприкасается с составом террористического акта деяние, предусмотренное ст. 205.1 УК РФ. Так, в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ говорится об ответственности за склонение и вербовку в совершение террористического акта, а также финансирование терроризма.

Зная о том, что в настоящее время существует некоторая зависимость подрастающего поколения от Интернета, злоумышленники через различные сайты социальных сетей активно подбирают среди молодежи и несовершеннолетних кандидатов на последующее вовлечение этих лиц в преступную деятельность. Для осуществления своего преступного замысла террористы активно используют сферу телекоммуникаций и компьютерной информации, демонстрируя материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, а также материалы, относящиеся к преступлениям против здоровья населения, общественной безопасности и нравственности, против основ конституционного строя и безопасности государства. Молодые лица, которые откликаются на демонстрацию перечисленных материалов, попадают в список будущих кандидатов. С этого момента начинается следующий этап вербовочной работы с кандидатами для осуществления на них психологического и агитационного воздействия, конечной целью которого является реальная вербовка для совершения будущих тяжких и особо тяжких преступлений.

Так, в Апелляционном определении Верховного Суда РФ от 14 февраля 2019 г. № 201-АПУ18-57 в отношении Х.М. оглы Халилова, осужденного по ч. 1 ст. 205.1, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, было указано, что «он во исполнение указаний «З.» получал от него по сети «Интернет», а затем распространял видеоролики террористической направленности, приобретал сим-карты и передавал «З.» коды-пароли от мобильных приложений для обмена сообщениями различных мессенджеров, склонял к участию в террористической организации иное лицо» [6].

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 205. 1 УК РФ, является лицо, достигшее возраста шестнадцати лет. Как отмечает А.Г. Хлебушкин, 16-летнее лицо уже может осознавать, что представляет собой терроризм; кто такие террористы, и каковы их радикальные противоправные методы воздействия на общество; что, финансируя террористов, они финансируют

преступников; что деньги или иные материальные ценности будут использованы террористами в их противоправных целях и т.д.

Следовательно, лицо, достигшее 16-летнего возраста, не только осознает, что финансирует терроризм, но и понимает, какие действия будут профинансированы, а значит, будет являться субъектом преступления [125, с. 163].

В свою очередь А.А. Абрамова пишет о том, что в 2% случаев от общего количества уголовных дел, возбужденных по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, субъектами финансирования терроризма являются иностранные граждане. В основном это граждане ближнего зарубежья [1, с. 38]. В этой связи следует отметить, что отсутствие или наличие гражданства РФ не освобождает от уголовной ответственности и на квалификацию действий лица по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ не влияет.

Таким образом, субъект преступления по ст. 205.1 УК РФ общий. Отсутствие хотя бы одного из перечисленных обязательных признаков влечет за собой невозможность признания лица субъектом данного преступления.

По замыслу законодателя (а именно в соответствии с примечанием 1 к ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ), субъектом финансирования терроризма будет являться лицо, предоставившее или собравшее средства, оказавшее финансовую услугу в целях финансирования или иного материального обеспечения хотя бы одного из преступлений террористического характера, указанного в данной норме. Соответственно, объективная сторона состава преступления по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ выражается не только в предоставлении материальных средств в целях финансирования терроризма, но и в их сборе, т.е. лицо, финансирующее терроризм, выполняет действия по предоставлению средств террористам.

Так, к примеру, Б.А. Зубайраев был признан виновным в организации финансирования терроризма путем сбора и предоставления денежных средств, предназначенных для совершения иными лицами преступления, предусмотренного ст. 205.5 УК РФ, в составе международной

террористической организации «Исламское государство» (далее – МТО «ИГ»). В частности, как установлено судом, осужденный создал и администрировал в мобильном приложении «Телеграмм» закрытую группу сторонников радикального ислама. В апреле 2016 года он разместил в данной группе единомышленников призыв о сборе денежных средств для С., намеревавшегося выехать в Сирию для участия в боевых действиях на стороне МТО «ИГ». На его призыв пользователь под псевдонимом «Ю.» перечислил 150 евро на счет У. для нужд С. [5].

Согласимся с В.В. Ульяновой, что предоставление – это один из способов финансирования, который выражается в активных действиях субъекта по передаче другому лицу либо организованной группе, незаконному вооруженному формированию, преступному сообществу (преступной организации) в распоряжение и (или) пользование средств, предназначенных для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных в примечании 1 к ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, либо для обеспечения преступной деятельности таких организованных групп, незаконных вооруженных формирований, преступных сообществ (преступных организаций), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений [116, с. 85]. Другими словами, субъект, предоставляя имевшиеся у него средства террористам, дает возможность преступникам обладать, владеть, пользоваться, распоряжаться его материальными и (или) иными средствами в соответствии с их противоправными целями.

Кроме предоставления материальных и (или) иных средств преступникам, осуществляющим террористическую деятельность, лицо, финансирующее терроризм, может выполнять альтернативные действия противоправного характера в сфере оказания финансовых услуг террористам. В ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» под финансовой услугой понимается банковская, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, услуга,

оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц [119]. Так, любая услуга финансового характера, оказанная террористам, будет считаться финансированием терроризма, а субъектом в этом случае будет являться финансирующее терроризм лицо. В случае сбора средств с осознанием того, что эти средства предназначены для финансирования терроризма, субъект преступления может являться как финансирующим, так и финансируемым лицом.

Это связано с тем, что термин «сбор» – многозначный, и Постановление Пленума ВС РФ от 09.02.12 г. № 1 его не раскрыло в полной мере. В общеупотребляемом смысле термин «сбор» означает «то, что было добыто, получено», а также «взимаемые или собранные за что-нибудь или на что-нибудь деньги» [62, с. 801].

На наш взгляд, под сбором в примечании 1 к ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ понимается в широком смысле как платеж денежной и иной формы, взимаемый с физических лиц, организаций для конкретных действий террористической направленности. К примеру, житель Чеченской Республики Шамиль Мусаев, собравший в Федеративной Республике Германии денежные средства с нескольких человек и передавший их через посредника в Европе участникам запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации ИГИЛ, будет являться финансирующим терроризм лицом, осуществившим сбор средств в террористических целях [26].

Другой пример: брат и сестра, являясь представителями террористической организации, осуществляли сбор денежных средств в целях самофинансирования и финансирования запрещенных организаций, признанных террористическими, «Имарат Кавказ» и «Исламское государство» [131]. В этом случае брат и сестра будут являться финансируемыми и финансирующими лицами одновременно, так как собранные ими средства тратились не только на нужды организации, но и на их собственные.

Аналогичный случай произошел с Алимом Бегиевым, который в Москве собирал денежные средства не только для джихада, но и для себя и не все собранные миллионы отправлял на сирийские банковские счета [20].

Таким образом, необходимо сделать следующие промежуточные выводы:

- субъекты, осуществляющие сбор материальных и иных средств с осознанием того, что они предназначены для финансирования террористической организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных в примечании 1 к ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, являются финансирующими терроризм лицами;
- сторонники терроризма, ведущие сбор средств в целях самофинансирования, являются финансируемыми лицами.

Особое внимание хотелось бы обратить на преступление, предусмотренное ст. 207 УК РФ, где речь идет о заведомо ложном сообщении об акте терроризма.

Главный вопрос, на который здесь необходимо ответить, – это относится ли преступление по ст. 207 УК РФ к деяниям террористической направленности или нет.

С.А. Мягкоступов рассматривает преступление, предусмотренное ст. 207 УК РФ, как новый вид терроризма, активно использующийся на территории России. Именуется автор такую разновидность терроризма кибертерроризмом или «электронным терроризмом», а также «информационным терроризмом» [59, с. 64]. Кибертерроризм может проявляться не только через дезорганизацию информационных систем, платформ, ресурсов, но и использовать информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» как орудие преступления, ведь всемирная сеть не знает границ, доступна почти каждому человеку в любой части планеты.

Все чаще международные кибертеррористы осуществляют свою деятельность с территорий других государств заведомо ложные сообщения о

терроризме. Подтверждением этому служат участвовавшие за последние несколько лет организованные атаки кибертеррористов на судебную, образовательную, медицинскую, административную системы Российской Федерации с целью устрашения населения, наступления иных тяжких последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти либо воздействия на принятие ими решений, касающихся внутренних или внешних интересов безопасности страны.

С постоянным ростом технологического прогресса и развитием информационных технологий мировое террористическое сообщество изобретает новые способы совершения преступлений для того, чтобы сообщить о заведомо ложном акте терроризма и дестабилизировать обстановку в стране или в отдельно взятом регионе. Они объединяются в группы, действуют из других государств, используют для совершения преступления уже не только мобильные или стационарные телефонные звонки, но и IP-телефонию, позволяющую осуществлять звонки независимо от местонахождения собеседников, сеть Интернет – производят автоматическую рассылку электронных писем в учреждения, отправляют сообщения и голосовую почту в мессенджерах, что при использовании VPN и сайтов-анонимайзеров затрудняет или делает невозможным поиск местоположения преступника и установление его личности, а также профилактику и предотвращение совершения самого преступления [59, с. 64-66].

С.С. Шестало именуется преступление по ст. 207 УК РФ телефонным терроризмом. Как отмечает автор, телефонные террористы совершают ложные звонки исключительно из хулиганских побуждений по мотивам шуток, розыгрышей, а иногда и с целью отвлечения внимания правоохранительных органов от раскрытия реальных преступлений и предотвращения их совершения [102].

Причем такие звонки с целью избежать уголовной ответственности совершаются анонимно, иногда с использованием общественно доступных телефонных аппаратов [10, с. 22], чем дополнительно увеличиваются ресурсы

на поиск и изобличение преступника. Иногда «для затруднения установления своего местонахождения преступники прибегают к различным ухищрениям: оформляют SIM-карты на подставных лиц, используют средства шифрования данных, прибегают к услугам зарубежных интернет-провайдеров, применяют так называемые анонимайзеры и прокси-серверы, не записывающие и не хранящие данные, способные идентифицировать пользователя» [25, с. 54].

То есть телефонный терроризм совершается исходя из названия с применением средств телефонной связи, где в достаточно короткий промежуток времени отсутствует возможность отследить отправителя.

Такое сообщение об акте терроризма, полученное через средства телефонной коммуникации, дезориентирует не только государственные учреждения и коммерческие организации, но и дестабилизирует нормальную жизнедеятельность общества. Например, в канун новогодних праздников (последняя декада декабря 2019 г.) в г. Самаре в адрес правоохранительных органов поступили анонимные телефонные звонки с информацией о «заминировании» Самарского областного суда, Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда и Арбитражного суда Самарской области. В результате таких сообщений была прервана стабильная работа этих учреждений, выполняющих социально значимые функции органов судебной власти. [102].

Отвечая на вопрос об отнесении преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, к числу террористических, необходимо отметить, что цель, которую преследуют преступники, совершая данное деяние, – это устрашение, создание опасности для жизни и здоровья людей, причинение значительного ущерба, дестабилизация деятельности государственных органов и влияние на их решения, а также подрыв репутации государства на мировой арене, доверия к власти в самой стране.

Таким образом, соблюдаются все условия, являющиеся признаками террористического акта, определяющие данные действия как преступление террористической направленности. Все это говорит о том, что преступники руководствуются уже не хулиганскими мотивами, а ими движут мотивы

националистические, нетерпимости, ненависти, неравенства, нередко они состоят в экстремистских или террористических организациях, запрещенных в России, что представляет собой большую угрозу целостности страны, ее суверенитету и безопасности граждан.

Следовательно, преступление, предусмотренное ст. 207 УК РФ, должно быть включено в перечень преступлений террористической направленности.

2.2 Вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 209 и 210 УК РФ

Ответственность за бандитизм предусмотрена ст. 209 УК РФ, которая содержит в себе две нормы. Часть 1 предусматривает ответственность за создание и руководство устойчивой вооруженной группой, часть 2 указывает на уголовную ответственность за участие в банде, а также в нападениях, которые она совершает [110].

В ч. 1 ст. 209 УК РФ дается определение бандитизма – это создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации и руководство этой группой. Но при этом понятие банды не дается. Поэтому для толкования данного термина необходимо обратиться к п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 17.01.97 г. № 1). Здесь банда определяется как организованная устойчивая вооруженная группа, численность которой начинается от двух членов, заранее сформированная и действующая с определенной целью нападения на граждан или организации [74].

Как мы видим, основными признаками банды являются: устойчивость, организованность, множественность участников, вооруженность, специальная цель, а также наличие криминологических признаков, позволяющие назвать вооруженную группу бандой.

Устойчивость – один из признаков банды, отличающих ее от группы лиц по предварительному сговору. Сложность разграничения форм соучастия обоснована в основном законодательной неопределенностью понятия устойчивости, так как оно содержит оценочные суждения. Выбор определения степени или наличия устойчивости той или иной группы определяется в каждом конкретном случае правоприменителем. Но судебная практика для определения степени устойчивости формирования вынуждена обращаться к доктринальным источникам, которые весьма разнообразны.

Ю.Б. Мельникова и Т.Д. Устинова считают признаком устойчивости интеллектуальный уровень взаимосвязи, подчеркивая, что перерывы между преступлениями могут быть, но наличие переговоров, обсуждение и планирование новых противоправных деяний уже говорит об устойчивости [56, с. 12].

Согласно п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 17.01.97 г. № 1, признаками устойчивости банды являются: стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений [74].

Т.В. Якушева придерживается позиции обязательного наличия организатора или руководителя в банде [134, с. 110]. Но, обратившись к материалам судебной практики, мы увидим иную позицию по данному вопросу. Так, в кассационном определении Верховного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 81-О13-33 указывается, что законом не предусмотрено, что виновное лицо может быть осуждено по ч. 2 ст. 209 УК РФ лишь при наличии организатора и руководителя банды. Соответственно участники банды могут быть равноправными партнерами при совершении конкретных преступлений [36].

Представляется, что для решения проблемы необходимо закрепить официальное определение устойчивости, которое в ст. 35 УК РФ в настоящее время не дается.

Не возникает проблем, к примеру, если участниками банды являлись случайные или давние знакомые или же хорошие друзья, главное, чтобы был доказан вышеназванный признак. Однако на практике неоднозначно решается вопрос об устойчивости банды, если её участниками были родственники.

Так, Нижегородским областным судом по уголовному делу № 2-12/05 был вынесен оправдательный приговор в связи с отсутствием в деянии состава преступления в отношении П.В. Родина по ч. 1 ст. 209 УК РФ, В.В. Родина и М.В. Родина по ч. 2 ст. 209 УК РФ.

В данном случае суд указал, что тесная взаимосвязь братьев обусловлена не общими противоправными интересами, а лишь родственно-семейными отношениями.

В другом же уголовном деле № 2-22/04 Нижегородский областной суд осудил Д.А. Котунова по ч. 1 ст. 209 УК РФ и И.М. Чапыгина по ч. 2 ст. 209 УК РФ.

В приговоре суд указал, что устойчивость банды определялась как раз родственными, семейными отношениями. Братья совместно приобретали огнестрельное оружие, подыскивали объект преступного посягательства и совершали разбойные нападения [60].

Также изменению подлежит упоминание в ст. 209 УК РФ «нападения» в единственном числе, так как такая формулировка способно ввести в заблуждение правоприменителя.

Субъективные признаки бандитизма заключаются в следующем:

Вина выражается только в форме и в виде прямого умысла. Кроме того обязательным признаком данного состава является специальная цель – нападение на граждан или организации.

Субъект преступления по ст. 209 УК РФ общий, физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцати лет. При этом участники банды в возрасте от четырнадцати лет несут ответственность только за те деяния, которые они совершили в составе банды, если за эти деяния уголовная ответственность установлена с этого возраста.

Итак, мы рассмотрели краткую уголовно-правовую характеристику бандитизма, предусмотренного нормами ст. 209 УК РФ. Стоит отметить, что, несмотря на довольно подробный порядок изложения и наличие толкования Пленумом Верховного Суда РФ, на сегодня возникают трудности квалификации данного деяния.

Тем не менее, обособленное существование данной нормы в уголовном законодательстве РФ предопределяет наличие существенных трудностей, связанных с ее квалификацией и отграничением от смежных составов преступления.

Наиболее сложным является ограничение банды от незаконного вооруженного формирования, что обусловлено наличием оценочных признаков в диспозициях ст. 208 и ст. 209 УК РФ.

Незаконное вооруженное формирование – это отряд, дружина или иная организованная группа.

Уголовно-правовая норма об ответственности не содержит указания на установление мотивов и целей, однако они могут быть учтены судом при назначении наказания. Как для банды, так и для незаконного вооруженного формирования обязательным признаком является вооруженность. Однако характер и степень вооруженности данных групп отличается [34, с. 8].

В незаконном вооруженном формировании признак вооруженности присущ для всех участников объединения. При этом вооруженность должна быть такой, что при наличии оружия у некоторых участников формирования и при поддержке других лиц, входящих в объединение, возможно, было бы провести боевую операцию по типу воинской. В том числе речь идет об операции с использованием оружия, незапрещенного и неограниченного в гражданском обороте, а потому не являющегося предметом преступления по ч. 1 ст. 222 УК РФ. В случае если в формирование использует хотя бы одну единицу военной техники или оружие более мощное, чем боевое стрелковое, и годное для использования по назначению, то это влечет наличие признака вооруженности в формировании. Для банды же признак вооруженности

предполагает наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного оружия, как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, газового и пневматического оружия. Кроме того, данный признак проявляется только при условии, что другие члены банды осведомлены о его наличии, а в случае их неосведомленности признак вооруженности отсутствует [92, с. 123-124].

Также отличительным признаком может являться множественность участников. Банда, как одна из форм соучастия, считается таковой, если она состоит из двух и более человек. О количественном составе незаконно вооруженного формирования в диспозиции ст. 208 УК РФ ничего не сказано. Поэтому практически и теоретически представляется невозможным состав формирования из двух человек. С учетом признака вооруженности можно предположить, что численный состав незаконно вооруженного формирования должен состоять как минимум из одного первичного звена воинской части – отделения [17, с. 17].

Основное отличие незаконно вооруженного формирования от банды можно рассмотреть на примере апелляционного определения Верховного Суда РФ от 28 января 2015 г. № 23-АПУ14-14. В апелляционной жалобе и дополнениях к ней осуждённый Д.А. Мамаев утверждал, что ему не вменялся такой признак вооружённой группы (банда) как цель нападения на граждан и организации. Он не участвовал в финансировании группы, обеспечении оружием и автотранспортом, в подыскании объектов для нападения, поэтому его действия следует переквалифицировать с ч. 2 ст. 209 УК РФ на ч. 2 ст. 208 УК РФ. Однако, по мнению суда, по смыслу закона, если члены незаконных вооруженных формирований, объединившись в устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации, участвуют в совершаемых ею нападениях, их действия следует квалифицировать по ст. 209 УК РФ. Судом было установлено, что в рассматриваемом случае устойчивая вооруженная группа представляла собой организованное структурированное объединение, действовавшее в течение длительного времени. Оно тщательно

готовилось к совершению преступлений, имело целью нападения на граждан и организации, прежде всего сотрудников правоохранительных органов и органов власти, поэтому было обоснованно признано бандой [2].

Таким образом, основное отличие незаконного вооруженного формирования от банды проявляется, прежде всего, в том, оно представляет собой одну из разновидностей военного формирования, а, значит, и функционирует с целью решения задач военного характера. Кроме того, к отличиям рассматриваемых составов преступлений можно отнести признаки вооруженности, множественности участников, а также различия целей и мотивов создание данных организованных групп.

На сегодняшний день помимо рассмотренных составов преступлений особую сложность представляет отграничение бандитизма от корыстно-насильственных преступлений, к которым, прежде всего, относится разбой. Сложность отграничения разбоя и бандитизма заключается в том, что они обладают схожими признаками. Это, прежде всего, нападение на граждан и организации, связанные с применением насилия или угрозы применения насилия.

Кроме того, данный признак является обязательным для составов рассматриваемых преступлений, что существенно осложняет их отграничение друг от друга.

Большинство авторов, которые посвящают свои научные труды изучению разбоя, считают, что использование признака «нападения» делает невозможным отграничение бандитизма и вооруженного разбоя, вследствие чего возникает вопрос о необходимости существования норм ст.209 УК РФ. Однако закрепление в Постановления Пленума ВС РФ от 17.01.97 г. № 1 понятия «нападение», позволяет считать данный признак конструктивным для состава ст. 209 УК РФ, т.к. законодателем закреплена основная цель бандитизма – нападение на граждан и организации.

Другим характерным признаком для вооруженного разбоя и бандитизма является вооруженность. Как говорилось выше, по ст. 209 УК РФ не является

обязательным условие о применении оружия в процессе нападения на граждан, в то время как для квалифицированного разбоя применения оружия – обязательное условие для завладения чужого имущества, а также для характеристики действий участников разбойной группы.

Нельзя сказать то же самое о значении данного признака в бандитизме. Это связано с тем, что признак вооруженности позволяет отличить банду от других организованных групп. Следует также сказать, что действий, предусмотренные ч. 2 ст. 209 УК РФ, образуют окончанный состав преступления, что также является отличием от участия в разбойной группе, целью которой является завладение имуществом с применением оружия, являющегося неоконченным составом разбоя [15, с. 133-134].

Проанализировав проблему квалификации, можно предложить следующие выводы по вопросам отграничения ст. 209 УК РФ от ст. 162 УК РФ:

Бандитизм и разбой разграничиваются по объекту преступления (с одной стороны – общественная безопасность, а с другой – собственность), характеристики признака вооруженности, наличию устойчивых связей и их длительности между участниками, использованию оружия при нападении, окончанию преступлению. Отметим, что некоторые из приведенных квалифицирующих критериев являются спорными, однако при совокупном их применении при квалификации дает полноценный результат при рассмотрении данных норм.

Следовательно, они представляют собой разные составы преступлений, имеющие общий признак – совершение нападений, но не соотносящиеся между собой.

Также от бандитизма необходимо отграничивать помимо перечисленных составов преступлений и ряд других. В случае если организованная группа совершает насилие с применением оружия, которое сопряжено с захватом или удержанием лица в качестве заложника, и понуждает при этом государство, организации или граждан совершить какое-

либо действие либо воздержаться от его совершения как условие освобождения захваченного лица, то тогда содеянное образует не бандитизм, а как захват заложника. Или же если устойчивая группа, вооруженная и занимающаяся торговлей оружием или наркотиками и не ставящая при этом цели совершения нападения на граждан или организации, но при задержании оказывающая вооруженное сопротивление сотрудникам правоохранительных органов, квалифицируется по совокупности со ст. 222 УК РФ или ст. 228 и ст. 317 или ст. 318 УК РФ [93, с. 449].

Обратимся все к тому же обобщению судебной практики Нижегородского областного суда. Так, по уголовному делу уже рассматриваемых нами осужденных Котунова и Чапыгина, суд исключил незаконное хранение огнестрельного оружия (ст. 222 УК РФ) как излишне вмененную, указав, что хранение оружия уже охватывается рассматриваемым нами составом. Однако уже в уголовном деле № 2-10/05 суд признал виновным Н.Г. Теплоухова в совершении деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 209 УК РФ и ч. 1 ст. 222 УК РФ. Судом первой инстанции установлено, что осужденный Теплоухов приобрел и хранил пистолет Макарова и боеприпасы к нему для банды и совершаемых ею нападениях [60].

Из приведенных примеров судебной практики мы можем заметить, что вопрос совокупности преступлений, предусматривающих ответственность за бандитизм и оружие, решается неоднозначно. Следовательно, правоприменителю необходимо провести работу в целях выработки единой системы применения положений уголовного закона, предусматривающего ответственность за создание и участие в банде и совершаемых ею иных преступлениях.

Теперь рассмотрим второй состав преступления, заявленный в названии параграфа, – это состав преступления, предусмотренный ст. 210 УК РФ.

Статистические данные говорят о том, что норма применяется чаще, чем по ст. 209 УК РФ. Так, по ст. 210 УК РФ в 2020 г. было осуждено 322 человек, а по ст. 209 УК РФ – 71 человек. В 2021 г. по ст. 210 УК РФ осуждено

290 человек, а по ст. 209 УК РФ – 63 человека [94]. Таким образом, количество осужденных по ст. 210 УК РФ более в чем два раза превышает количество осужденных по ст. 209 УК РФ.

В связи с тем, что проблема организованной преступности в нашей стране, к сожалению, продолжает сохранять определенную актуальность, ее различные аспекты широко освещаются отечественными учеными

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, зависит от характера и эффективности участия всех членов преступного сообщества в осуществлении ее деятельности. Прежде всего, она выражается в организации деятельности сообщества, т.е. в объединении ее организаторов, а также руководителей данных групп, качестве управления созданным преступным сообществом (преступной организацией), личном участии в сообществе, а также в объединении руководителей преступных групп.

Организация преступного сообщества (преступной организации) предполагает, что структура деятельности сообщества должна быть утверждена, деятельность преступного сообщества должна быть материально обеспечена для осуществления поставленных в нем задач, а также в привлечение новых членов сообщества и т.д.

Преступление по ст. 210 УК РФ будет считаться оконченным: для организаторов – с момента создания сообщества или объединения организаторов; для лидеров – с момента принятия руководства данным преступным сообществом (преступной организацией); для участников – с момента вхождения в состав преступного сообщества (преступной организации). Все они, согласно ч. 5 ст. 35 УК РФ, несут ответственность за всю совокупность совершенных членами сообщества преступлений, которые были предусмотрены деятельностью преступного сообщества (преступной организацией) и предполагали реализацию единого умысла.

Ряд основных признаков, характеризующих данное объединение, раскрыт в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации

преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [76] (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 10.06. 2010 г. № 12). Наряду с перечислением признаков, указанных в ч. 4 ст. 35 УК РФ, в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 10.06. 2010 г. № 12 сказано, что преступное сообщество отличается от иных видов преступных групп, в том числе от организованной группы, более сложной внутренней структурой.

Структурные подразделения преступного сообщества (преступной организации) могут иметь своих непосредственных руководителей. Здесь следует отметить, что Верховный Суд РФ связывает признаки преступного сообщества, указанные в ч. 4 ст. 35 УК РФ, с положениями ст. 210 УК РФ. Сходной позиции придерживается и Конституционный Суд РФ в определении от 18 июля 2017 г. № 1528-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М.О. Гендлера на нарушение его конституционных прав положениями ст. ст. 35 и 210 УК РФ» [64].

Г.В. Овчинникова пишет, что уголовный закон выделяет признак, отличающий преступное сообщество (преступную организацию) от других видов организованной преступной деятельности, – структурная оформленность [61, с. 5].

В.С. Прохоров акцентирует внимание на характере связей между действиями соучастников [98, с. 278-280].

Л.Д. Гаухман указывает, что понятие преступного сообщества (преступной организации) основано на понятии «организованная группа». Присущие ей признаки характеризуют и преступное сообщество. Вместе с тем последнему свойственны и другие признаки:

- структурированность организованной группы;
- момент окончания преступления – само создание такого сообщества;
- цель создания;
- уголовно-правовое значение конститутивного признака состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ [99, с. 259].

По мнению Е. Гришко «организация преступного сообщества предполагает вовлечение в него ряда участников с последующим определением и возложением на них ряда функциональных обязанностей, необходимых для совершения планируемых тяжких или особо тяжких преступлений» [16, с. 17].

Сопоставление ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ показывает, что основой преступного сообщества (преступной организации) служит организованная группа.

Как справедливо отмечает С.Д. Демчук, основные отличия преступного сообщества от организованной группы заключаются в следующем:

- «наличие иерархии управления структурными подразделениями, ориентированными на решение криминальных задач по функциональному, территориальному или смешанному признаку;
- обязательная цель членов преступного сообщества, указанная в ч. 4 ст. 35 УК РФ, – преступный способ обогащения, получения наживы соучастниками» [19, с. 37-38].

На основе обобщения имеющихся теоретических и практических сведений можно выделить следующие основные характерные признаки преступного сообщества (преступной организации):

- наличие инициатора (инициаторов) преступной деятельности с устойчивой криминально-корыстной направленностью личности;
- четкое управление со строгой иерархией и координация криминальной деятельности структурных подразделений и всего преступного сообщества;
- прочная криминальная связь (сплоченность) соучастников на основе общей корыстной мотивации и единого умысла;
- обеспеченность соучастников орудиями и средствами совершения преступлений;

- длительность и масштабность криминальной деятельности преступного сообщества, которая продолжается как минимум от нескольких месяцев до нескольких лет [4].

К дополнительным признакам действующего преступного сообщества (преступной организации) можно отнести:

- использование представителей государственной власти, коммерческих и иных организаций для повышения безопасности и эффективности криминальной деятельности, а также легализации (отмывания) доходов, полученных преступным и иным незаконным путем;
- поддержание руководством преступного сообщества тесных связей с криминальной средой, вплоть до своих зарубежных «контрагентов» [8].

Субъект преступления по ч. 3 ст. 210 УК РФ, в отличие от ч. ч. 1, 1.1, 2 данной нормы, специальный. Речь идет о лицах, использующих для преступных целей свое служебное положение. Это могут быть как должностные лица, так и государственные служащие и работники органов местного самоуправления, а также лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой или некоммерческой организации, в случае, когда их служебное положение было использовано для совершения преступления для реализации целей сообщества (организации).

Лицо, которое давало хотя бы письменно либо устное согласие на участие деятельности преступного сообщества (преступной организации), будет считаться участником данного преступления. Деятельность обвиняемого должна носить преступный характер, соответствующий планам и деятельности конкретного сообщества (организации).

Организаторам и руководителям достаточно присутствовать на собраниях и обсуждать планы сообщества (организации), чтобы их действия

содержали признаки участия в преступном сообществе (преступной организации).

Субъективная сторона преступления указана законодателем в виде умышленной вины в форме прямого умысла.

Участники преступного сообщества (преступной организации) должны осознавать свою принадлежность к данному субъекту и противоправность своих действий в рамках цели и направленности данного субъекта, добровольно согласившегося на совершение этих действий. Возможно обвинение участников сообщества в преступлениях, совершенных именно ими в рамках деятельности данного формирования, а также в иных преступлениях, совершенных сообществом. При этом в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ «совершение преступления в составе преступного сообщества (преступной организации) будет являться отягчающим обстоятельством».

В связи с тем, что в данном параграфе рассматриваются вопросы квалификации по ст. ст. 209 и 210 УК РФ, целесообразно рассмотреть также отличительные признаки бандитизма от преступного сообщества (преступной организации).

Отличительными признаками банды от преступного сообщества (преступной организации) являются: устойчивость (сплоченность), цель создания организованной группы, вооруженность, отсутствие структурированности и объединения самостоятельных групп в единое сообщество. Так, признак устойчивости бандформирований заключается в «стабильности состава банды, в тесной взаимосвязи между ее членами, в согласованности их действий, постоянстве форм и методов преступной деятельности, длительности существования банды и количестве совершенных преступлений», т.е. признак устойчивости характеризуется стабильностью состава участников группы, направленностью участников на долговременное взаимодействие, многократностью совершения преступлений. Для преступного сообщества отличительным является сплоченность, отражающая

единство целей, устремлений, направленность действий, прочность связей в преступной группе [117, с. 71-72]. На практике разграничить понятия «устойчивость» и «сплоченность» крайне сложно, а применение их при описании организованной группы не совсем удачно, т.к. данные понятия являются оценочными.

Другим отличительным признаком рассматриваемых составов преступлений является специальная цель. Для банды специальной является цель нападения на граждан и организации, а для преступного сообщества (преступной организации) – цель совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Определение в УК РФ такой цели преступного сообщества указывает, прежде всего, на степень общественной опасности совершаемого преступления, а также на размер преступных доходов, к получению которого стремятся участники сообщества [17, с. 18].

Таким образом, для правильного отграничения ст. 209 от ст. 210 УК РФ необходимо, чтобы в качестве предмета доказательств по уголовному делу выступала не только криминальная деятельность участников группы, но также и сама «преступная организация». В настоящее время существует много случаев неправильной квалификации деяний, совершенных бандформированиями, вследствие чего организаторы остаются не привлеченными к уголовной ответственности либо им назначено более мягкое наказание в соответствии с санкцией другой статьи УК РФ.

Основным отличием банды от преступного сообщества (преступной организации) является ее вооруженность, отсутствие свойства структурированности, создание в целях нападения, а также отсутствие объединения нескольких самостоятельных организованных групп в одно целое. Поэтому можно сказать, что банда отличается качественно опасными признаками, в то время как преступное сообщество – по количественным.

На основании изложенного, можно предложить следующие выводы по данной главе:

Проблемы квалификации преступлений террористической направленности обусловлены схожестью признаков данных деяний и недостаточной правоприменительной практикой по новым для УК РФ составам преступлений.

Терроризм является многогранным, сложным явлением, которое, к сожалению, является неотъемлемой частью общественной жизни последних десятилетий. В сознании всего общества и в законодательстве практически всех государств он представляет собой одно из самых серьезных преступлений, ответственность за которые предусматривает наказание вплоть до высшей меры.

Несмотря на обширный перечень преступлений террористической направленности, центральным элементом понятия терроризма является террористический акт, влекущий наиболее серьезный ущерб.

Уголовно-правовая характеристика террористического акта, подготовки к нему, пропаганды терроризма и захвата заложников по УК РФ требует существенной корректировки сложившихся на сегодня в российской уголовно-правовой доктрине позиций, а затем и корректировки действующего законодательства.

Под понятием угрозы террористического акта следует понимать психическое воздействие, которое выражается в запугивании, устрашении населения, органов власти и местного самоуправления, создании определенной опасности. Субъектом финансирования терроризма является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, предоставившее или осуществившее сбор средств либо оказавшее финансовую услугу с осознанием того, что это предназначено для финансирования терроризма. При этом субъекты в зависимости от целевого использования полученных средств делятся на финансируемых и финансирующих терроризм лиц. В частности, субъекты, осуществляющие сбор материальных и иных средств с осознанием того, что они предназначены для финансирования террористической организации, подготовки или

совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных в примечании 1 к ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, являются финансирующими терроризм лицами. А сторонники терроризма, ведущие сбор средств в целях самофинансирования, являются финансируемыми лицами.

Уголовным законом предусмотрена ответственность не за сам бандитизм, а за создание, руководство и участие в организованной группе. Поэтому для раскрытия преступления необходимо правильно применить диспозицию нормы, которая предусматривает ответственность за его совершение. Такая квалификация позволит уяснить следователю или суду основные квалифицирующие признаки состава преступления, которые необходимо проанализировать в ходе расследования уголовного дела, а также позволит избежать ошибок в следственно-судебной практике. Однако эффективность существующих уголовно-правовых средств борьбы с бандитизмом достаточно низкая, что свидетельствует о недостатках уголовного законодательства.

Анализ судебной статистики по ст. ст. 162, 209, 210 УК РФ свидетельствует о том, что деяния, предусмотренные ст. 209 УК РФ, не всегда квалифицируются данными нормами, поскольку объективная сторона преступления просматривается в ряде нескольких смежных составов преступлений. Отсюда возникают логичные выводы о том, что уголовное законодательство требует разъяснений по разграничению смежных составов преступлений, что позволит в будущем более эффективно применять норму, предусмотренную ст. 209 УК РФ и, соответственно, назначать справедливое наказание виновным лицам.

Основным отличием банды от преступного сообщества (преступной организации) является ее вооруженность, отсутствие свойства структурированности, создание в целях нападения, а также отсутствие объединения нескольких самостоятельных организованных групп в одно целое. Поэтому можно сказать, что банда отличается качественно опасными признаками, в то время как преступное сообщество – по количественным.

Глава 3 Спорные вопросы квалификации отдельных преступлений против общественного порядка

3.1 Вопросы квалификации хулиганства

Как отмечалось в главе 1 настоящего исследования, хулиганство традиционно, как в российском, так и зарубежном уголовном законодательстве, относится к преступлениям против общественного порядка.

В действующей редакции уголовного закона хулиганство определяется как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершено с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения; либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования и с иными квалифицирующими признаками, указанными в ч.ч. 2 и 3 ст. 213 УК РФ.

Необходимо учитывать, что хулиганство влечет нарушение сразу двух объектов – общественную безопасность и общественный порядок, по этой причине, рекомендуется полное и всестороннее расследование уголовного дела, исключающее не правильное применение положений ст. 213 УК РФ.

По ч. 2 ст. 213 УК РФ появляются два дополнительных альтернативных объекта: порядок управления в случае, если сопротивление оказывается представителю власти, или здоровье, если такое сопротивление имеет место в отношении иного лица, пресекающего хулиганские действия. Такой подход к конструированию квалифицирующих признаков представляется вполне справедливым, отвечающим правилам квалификации единых сложных преступлений.

Исходя из анализа судебно-следственной практики по вопросам квалификации хулиганства и иных хулиганских общественно опасных деяний, большее затруднение связано с уголовно-правовой оценкой признаков субъективной стороны, а именно мотива преступления, который для данного состава весьма специфичен.

Как отмечает Н.Н. Машинистова, для хулиганства характерна «несущественная мотивация» [54, с. 895]. Определенный импульс, какое-то незначительное обстоятельство может привести к совершению уголовно наказуемого хулиганского действия. Непонравившийся взгляд прохожего, замечание со стороны соседа, эмоциональное возбуждение в связи с выпитым алкоголем и т.д. могут явиться провоцирующим, побуждающим мотивом к совершению хулиганства, негативные последствия которого будут несоизмеримо большими, чем несущественное обстоятельство, предшествующее этому [127, с. 22].

Также мы разделяем точку зрения Р.Д. Шарапова, который к вопросу определения границ мотива рассматриваемого состава, обоснованно резюмирует, что, во-первых, он является обязательным признаком субъективной стороны и, во-вторых, под ним понимается явное неуважение к обществу [126, с. 53].

Д.О. Куричков при анализе мотива хулиганства, отмечает, что хулиганство может быть совершено только при наличии хулиганских побуждений, под которыми понимаются посягательства, совершенные без какого-либо повода или с использованием незначительного повода (в процессе заведомо вызывающего и провокационного поведения или конфликта, игнорирование замечаний граждан об антиобщественных действиях, распития спиртных напитков, либо потребления наркотиков, сопровождающиеся, как правило, нецензурной бранью и иные) [48, с. 159].

Что касается признаков объективной стороны хулиганства, то, в частности, Ю.В. Грачева указывает, что обязательными признаками данного

состава является публичная обстановка и способ совершения данного преступления [101, с. 324].

Необходимо отметить, что Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» описанный в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ способ совершения хулиганства «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» законодатель перевел в разряд квалифицирующих признаков (ч. 2 ст. 213 УК РФ), а вместо него указал другой – «с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения» [123].

Таким образом, законодатель частично восстановил юридическую конструкцию состава хулиганства, действовавшую с 1 января 1997 г. до вступления в силу Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

В предыдущей редакции ст. 213 УК РФ, когда применение насилия находилось за рамками данного состава, причинение вреда здоровью требовало квалификации по совокупности с составами, предусматривающими причинение вреда здоровью соответствующей степени тяжести [75].

Действующая редакция ст. 213 УК РФ создает неопределенность в квалификации, поскольку возникает угроза двойной квалификации одного и того же деяния, поскольку причинение вреда здоровью в соответствии со ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ также предусматривает к качестве квалифицирующих признаков хулиганские побуждения и применение оружия.

Преодоление конкуренции норм либо принятие решение о квалификации по совокупности преступлений, как представляется, необходимо осуществлять в зависимости от конкретных обстоятельств дела, а критерием для разграничения будет выступать объект преступления. Иными словами, если, исходя из обстоятельства дела, субъект причинил вред здоровью человеку из хулиганских побуждений и с применением оружия, то

квалификация происходит по соответствующему составу преступления против жизни. В случае же, когда лицо совершило данное в процессе грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, игнорируя нормы общественной морали, общепризнанным нормам и правилам поведения, желая противопоставить себя окружающим и продемонстрировать своё пренебрежительное к ним отношение, выражающееся в вызывающем поведении, деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.

В п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение хулиганства по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [110].

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что зачастую возникает необходимость отграничения данного состава хулиганства от ч. 2 ст. 148 УК РФ.

Так, приговором Хамовнического районного суда г. Москвы от 17 августа 2012 г. А. осуждена за совершение хулиганства в составе группы лиц по предварительному сговору по мотивам религиозной ненависти и вражды и по мотивам ненависти в отношении социальной группы (ч. 2 ст. 213 УК РФ). Деяние выразилось в организации и совершении в общественном месте – в православном храме – действий, грубо нарушающих общественный порядок и продиктованных желанием виновных противопоставить себя лицам, посещающим храм из религиозных чувств, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. Она выкрикивала бранные фразы и слова, оскорбляющие чувства присутствующих, совершала иные, подчеркнуто вульгарные и нарочито провокационные действия (имитация танцев и нанесение ударов по воображаемым противникам), недопустимые и неприемлемые с учетом специального предназначения данного общественного места для религиозных обрядов и церемоний. А. были

нарушены общепризнанные правила поведения в общественных местах вообще и храмах в частности.

Доводы кассационных жалоб осужденных и их адвокатов, в том числе об отсутствии в деянии состава преступления, проверены судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда, которая кассационным определением от 10 октября 2012 г. признала квалификацию содеянного правильной и оставила приговор в отношении ее без изменения. Однако Конституционный Суд РФ не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению [63].

Приведенный пример свидетельствует о необходимости разграничения преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, и ст. 213 УК РФ. Так, в другом случае, было установлено, что в ходе предварительного расследования у А., испытывающего негативное отношение к православной религии и лицам, исповедующим ее, на основе религиозной нетерпимости возник преступный умысел, направленный на совершение публичных действий, заключающихся в размещении на входных дверях церкви вырезанных из религиозных книг листов с надписями, сделанными им в отношении Иисуса Христа и Богородицы, которые оскорбляют религиозные чувства верующих. Эти действия квалифицированы судом по ст. 148 УК РФ. Они же, кроме того, были оценены и как осквернение здания церкви по мотиву национальной и религиозной ненависти и вражды в отношении евреев и христиан [80].

Из приговора видно, что, во-первых, обоснование вменения А. деяния, предусмотренного ст. 148 УК РФ, в равной мере подходит и для квалификации деяния по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ; во-вторых, признание наличия в деянии идеальной совокупности преступлений (ст. 214 и ст. 148 УК РФ) заставляет задуматься и о возможности квалификации содеянного по совокупности ст. 148 УК РФ с п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ, тем более что у этих посягательств разные объекты.

В п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ предусмотрена ответственность за хулиганство, совершенное на транспорте. В узком смысле транспорт

рассматривается как синоним транспортного средства [9, с. 151], вероятно, поэтому некоторые ученые утверждают, что в УК РФ это понятие употребляется в таком его значении [87, с. 459], другие же, наоборот, полагают, что законодатель использует «транспорт» в его широком значении [68, с. 11]. Применительно к п. «в» ст. 213 УК РФ под транспортом следует понимать не только транспортные средства (поезда, самолеты, корабли, автобусы и т. д.), но и объекты транспортной инфраструктуры, обеспечивающие безопасность движения и эксплуатации транспорта (аэропорты, вокзалы и т. д.),

При этом п. «в» ст. 213 УК РФ необходимо отграничивать от преступления, предусмотренного ст. 267. 1 УК РФ, в которой предусмотрена ответственность за совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств.

Разграничить эти преступления не так просто, поскольку оба, во-первых, посягают на общественную безопасность и общественный порядок (родовой объект), во-вторых, совершаются из хулиганских побуждений и, наконец, связаны с транспортом.

Отличия видятся в следующем. В ст. 213 УК РФ законодатель говорит о транспорте, а в ст. 267.1 УК РФ – о транспортном средстве, первое понятие шире второго, охватывает весь комплекс соответствующего вида транспорта. Вместе с тем создать угрозу безопасной эксплуатации транспортного средства можно и за счет блокирования транспортных коммуникаций, повреждения средств сигнализации, путей сообщения и т. д., но квалифицироваться такие действия должны по ст. 267 УК РФ.

Так, Р., К. и В. предъявлено обвинение в том, что они 10 мая 2018 г., находясь на 10 пикете 335 км станции Нелидово Октябрьской ж.д., расположенной в г. Нелидово Тверской области, действуя из хулиганских побуждений, поставили каркас холодильника с находящимися в нем кирпичами внутрь железнодорожной колеи железнодорожного пути № 1, тем самым создав угрозу безопасности эксплуатации маневрового поезда № 2928,

машинист которого для предотвращения наезда на указанный предмет применил экстренное торможение [73].

А вот другой пример: 11 августа 2019 г. К., осознавая, что создает реальную угрозу для безопасной эксплуатации железнодорожного транспорта, из хулиганских побуждений принес на 4 пикет 1216 км железнодорожного перегона незаконно хранимую им 76 мм осколочно-фугасную дальнобойную гранату ОФ-350, пригодную для производства взрыва, и два бронебойно трассирующих снаряда образца 1939 г. (унитарного патрона), не пригодных для стрельбы либо производства взрыва. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, разместил их у подошвы рельсы, тем самым создав угрозу безопасности эксплуатации транспортных средств, ограничение функционирования объектов транспортной инфраструктуры, схода подвижного состава и железнодорожного крушения, причинения имущественного вреда собственнику и загрязнения окружающей среды. По объяснениям К., он положил снаряды на железную дорогу, чтобы посмотреть, как работают правоохранительные органы. Позвонил председателю колхоза, спросил, куда можно сообщить о найденных снарядах, затем в службу 112 и сообщил о них. Через некоторое время приехали сотрудники транспортной полиции, которым он указал на место, где лежали снаряды. Действия К. квалифицированы по ст. 267.1 УК РФ [82].

Приведенные примеры иллюстрируют возможность создания угрозы безопасного функционирования транспортного средства за счет воздействия не на транспортное средство, а на другие элементы транспортной системы. Однако надо иметь в виду, что деяния подобного рода охватываются ст. 267 УК РФ, которая предусматривает приведение указанных элементов в состояние, не позволяющее безопасно эксплуатировать транспортное средство.

По ст. 267.1 УК РФ должна наступать ответственность «зацеперов», лиц, забрасывающих камнями поезда или ослепляющих лазерными указками пилотов самолетов и т. п. [84].

При этом если же хулиганские действия на транспортном средстве начинают создавать угрозу его безопасного функционирования, то деяние также следует квалифицировать по ст. 267.1 УК РФ. Так, Е., будучи в нетрезвом виде, во время движения ходил по салону пассажирского междугороднего автобуса, выражался нецензурной бранью, хватался за руль, мешая водителю [72].

Последнее обстоятельство создало угрозу безопасной эксплуатации транспортного средства.

Интересен вопрос о возможности вменения совокупности рассматриваемых составов преступлений. Судебная практика дает на него положительный ответ. К примеру, реальная совокупность преступлений была установлена в действиях З., квалифицированных по п. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267.1 УК РФ [81].

Ч. 2 ст. 213 УК РФ в настоящее время предусматривает три квалифицированных признака хулиганства:

- совершение хулиганства с применением оружия или предметов, используемых в качестве такового;
- совершение хулиганства при различных формах и видах соучастия;
- совершение хулиганства, сопряженного с сопротивлением представителю власти или иному лицу [110].

Рассмотрим данные признаки подробно.

В первоначальной редакции ст. 213 УК РФ, до внесения изменений Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, признак применения оружия или предметов, используемых в качестве такового, предусматривался как особо квалифицирующий. Однако в последующем данный признак на длительное время перекочевал в конструкцию основного состава, являясь одним из альтернативных признаков, образующих основной состав преступления [70, с. 192].

В редакции Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ, как указывалось ранее, рассматриваемый признак вновь стал квалифицирующим

(ч. 2 ст. 213 УК), предусматривающим более строгое наказание и отягчающим уголовную ответственность [123].

В большинстве современных государств оружие, будучи источником повышенной опасности, является предметом, оборот и использование которого строго регламентируется законодательством, а нарушение такого законодательства влечет привлечение к юридической ответственности и назначение строгого наказания, в том числе уголовного. Исследователи отмечают, что поскольку применение оружия является признаком нескольких преступлений, толкование терминологии, использованной при описании признаков состава, должно быть единообразным, не допускающим разночтений и противоречий [65, с. 36].

Основой правового регулирования правоотношений, связанных с оборотом и применением оружия, является Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», устанавливающий определение данного понятия, в соответствии с которым оружием являются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели [118].

Соответствие используемого при совершении преступления предмета признакам оружия, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, должно устанавливаться на основании заключения экспертизы [75].

Кроме того, при рассмотрении особенностей состава преступления, квалифицируемого по ч. 2 ст. 213 УК РФ, необходимо уделить внимание толкованию понятия «применение». Некоторые авторы предлагают проводить различие между терминами «применение» и «использование», указывая, что некоторыми законодательными актами их смысловое содержание разграничивается [65, с. 37]. Например, Уставом внутренней службы Вооруженных Сил РФ установлено, что оружие может применяться для защиты своей жизни и здоровья, а также иных лиц, пресечения совершения преступлений, задержания лиц, совершивших преступления, отражения нападения, недопущения завладения оружием и техникой и т.д. [113].

Также оружие может использоваться для вызова помощи и подачи определенных сигналов, защиты от опасных животных. Отсюда видно, что термин «применение» означает задействование предмета, в данном случае оружия, по его прямому назначению, для достижения целей, для которых он предназначен, то есть совершение действий, направленных на нейтрализацию живого организма, подавление его нежелательного активного волевого поведения посредством причинения вреда здоровью или смерти. Однако следует иметь в виду, что данные нормативные акты регулируют ситуации правомерного применения оружия.

Согласно разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2007 г. № 45), под «применением» необходимо понимать умышленные действия, направленные на использование лицом оружия или предметов, используемых в качестве оружия, как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия [75]. Что касается последних, то в данном случае орудием преступления могут выступать такие предметы, которые в силу своих объективных характеристик и параметров, можно использовать для причинения вреда жизни и здоровью потерпевшего. Высший судебный орган, применительно к квалификации хулиганства, допускает расширительное толкование понятия «предметов, используемых в качестве оружия» и, с учетом особенностей ситуации, в качестве таковых могут рассматриваться опасные животные, способные причинить вред человеку [124, с. 59].

Некоторые исследователи отмечают недостаток правовой регламентации нормы о хулиганстве с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, указывая, что различие в толковании терминов «применение» и «использование» в разных нормативных актах и

разъяснениях Верховного Суда РФ приводит к регулярным возникающим на практике проблемам установления истинных намерений и характера «применения» того или иного предмета. Существующее положение дел создает необходимость суду при рассмотрении дела в каждом конкретном случае тщательно анализировать истинный смысл тех или иных действий лица, совершающего преступления, смысл манипуляций с определенными материальными объектами в целях установления факта именно применения того или иного предмета в преступных целях, выяснения вопроса, был ли этот предмет и действия, с ним совершаемые, органически связаны с процессом совершения преступления.

Кроме того, указанная новелла, как отмечают исследователи, по сути, декриминализовало хулиганство с применением оружия, совершенное без признаков применения насилия, а также признаков, указанных в п.п. «б» и «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, поскольку ранняя практика демонстрировала неоднократные случаи привлечение к ответственности лиц, так называемых «свадебных стрелков», стреляющих в воздух в общественных местах в процессе движения свадебного кортежа или совершающих аналогичные действия.

Таким образом, при осуществлении квалификации хулиганства в настоящее время правоприменитель по-прежнему сталкивается с рядом проблем, обусловленных неточностью терминологии, отсутствием единообразной практики, неполнотой руководящих разъяснений высшего судебного органа. Действующее Постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2007 г. № 45 уже не отвечает современным реалиям, поскольку не отражает многочисленных изменений уголовного закона и сложившейся практики. В связи с введенными новеллами и наличием ряда сложных вопросов, препятствующих единообразной квалификации хулиганства, имеется острая необходимость глубокого анализа возникших проблем высшим судебным органом с последующим закреплением разъяснений в соответствующем Постановлении.

Что касается квалификации хулиганства, связанного с сопротивлением представителю власти, то разъяснение по данному вопросу содержится в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2007 г. № 45. Здесь говорится, что хулиганские действия, связанные с сопротивлением представителю власти, в ходе которого применено насилие, как неопасное, так и опасное для жизни и здоровья, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 213 УК РФ и соответствующей частью ст. 318 УК РФ.

Соответственно, по мнению суда, если виновный в ходе сопротивления умышленно причинил лицу, пресекающему хулиганские действия, тяжкий или средней тяжести вред здоровью либо совершил его убийство, то содеянное при наличии к тому оснований следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 213 УК РФ и соответственно п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ или п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Несмотря на то, что постановления Пленума Верховного Суда РФ носят лишь рекомендательный характер, судебная практика пошла по второму пути. Так, приговором Иланского районного суда Красноярского края Шигин осужден по ч. 2 ст. 213 УК РФ и ст. 116 УК РФ за преступление, совершенное при следующих обстоятельствах. Шигин во время следования в пассажирском поезде, находясь в вагоне-ресторане, будучи в состоянии алкогольного опьянения, выражался в адрес пассажиров и работников вагона-ресторана грубой нецензурной бранью.

Начальник поезда, находясь в форменной одежде, подошел к Шигину и потребовал прекратить хулиганские действия. Поскольку последний на замечания не реагировал, он стал составлять информационный лист о происшествии в пути следования поезда с целью передачи Шигина сотрудникам полиции. После чего, как отмечается в приговоре, в целях оказания сопротивления Шигин вырвал планшет из рук начальника поезда и нанес ему один удар в лицо и два удара по шее, причинив физическую боль. Суд согласился с предъявленным обвинением и вынес приговор по ч. 2 ст. 213

УК РФ и ст. 116 УК РФ – побои, совершенные из хулиганских побуждений [79].

Полагаем, что данный пример наглядно свидетельствует об избыточной квалификации, допущенной судом, более того, побои были причинены не из хулиганских побуждений, а в отношении лица в связи с осуществлением служебной деятельности. Действия Шигина в полной мере охватываются ч. 2 ст. 213 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации.

Таким образом, в заключение параграфа можно отметить следующее:

Помимо объекта (общественный порядок и общественная безопасность), направленности и содержания умысла виновного, для состава хулиганства уместен критерий общественного места, в котором имеется, с одной стороны, признак присутствия третьих лиц, и с другой – их общение (иное взаимодействие), в противном случае можно столкнуться с проблемами толкования хулиганства и разграничения со смежными составами.

Для решения проблем квалификации хулиганства, обусловленных, прежде всего, сложностью установления хулиганского мотива, как обязательного признака рассматриваемого состава преступления, представляется целесообразным:

- дополнить на законодательном уровне объективную сторону состава хулиганства таким признаком как «общественное место» ввиду того, что исходя из специфики мотива совершения данного преступления, оно совершается в общественных местах;
- в постановлении Пленума Верховного Суда РФ о хулиганстве или на законодательном уровне (в примечании к ст. 213 УК РФ) раскрыть понятие «общественное место».

3.2 Вопросы квалификации вандализма

Наряду с хулиганством, к преступлениям, направленным против общественного порядка, относится вандализм, под которым, согласно ч. 1 ст. 214 УК РФ, понимается осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах.

Как верно отмечают представители доктрины уголовного права, «это форма разрушительного поведения человека, когда преступник ничего не создает и не приобретает даже лично для себя, но оскверняет материальные результаты «чужой» деятельности, открыто демонстрируя последствия своего поведения всем окружающим» [85, с. 191].

Часть вторая указанной статьи включает в себя такие квалифицирующие отягчающие признаки, как совершение вандализма группой лиц и «экстремистский» мотив. При этом законодатель не включил в часть 2 рассматриваемой статьи совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору.

Вместе с тем, в ст. 213 УК РФ, рассмотренной в предыдущем параграфе, обозначенный вид соучастия, предусмотрен. Причины отсутствия аналогичного признака в рамках состава по ст. 214 УК РФ остаются непонятными. В силу этого при уголовно-правовой оценке вандализма, совершенного группой лиц по предварительному сговору, возникают вопросы, связанные с квалификацией.

При квалификации вандализма, фактически совершенного группой лиц по предварительному сговору, можно предложить несколько вариантов уголовно-правовой оценки: первый – по ч. 1 ст. 214 УК РФ без применения п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ; второй – по ч. 1 ст. 214 УК РФ с применением п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору); третий – по ч. 2 ст. 214 УК РФ без применения п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ; четвертый – по ч. 2 ст. 214 УК РФ с применением

п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору).

Представляется целесообразным проанализировать вышеизложенные варианты результата квалификации.

Оценка по ч. 1 ст. 214 УК РФ без применения п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ является неполной в силу того, что не включает в себя соучастия, тогда как оно фактически содержится в содеянном.

Поэтому подобную уголовно-правовую оценку следует отнести к разновидности неверной – недостаточной, нарушающей принцип полноты квалификации, не учитывающей «всех юридически значимых обстоятельств» дела» [32, с. 200].

С точки зрения доктрины уголовного права и правоприменительной деятельности такая уголовно-правовая оценка, как представляется, может быть дана с минимальной долей вероятности, поэтому ее детальное обсуждение не видится целесообразным.

Следующий вариант оценки – по ч. 1 ст. 214 УК РФ с применением п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ (с учетом включения из указанного пункта такого вида соучастия, как «группа лиц по предварительному сговору»). В данном случае вывод по квалификации полностью охватывает все юридически значимые обстоятельства содеянного, в том числе такой признак, отягчающий наказание, как совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору. Поэтому такая квалификация является правильной, полностью предусматривающей все значимые с точки зрения уголовного права признаки оцениваемого деяния.

Однако тут можно усмотреть определенное нарушение юридической логики, выражающееся в том, что действия лиц, совершивших вандализм в составе группы лиц, оцениваются по квалифицированному составу (ч. 2 ст. 214 УК РФ), а совершивших анализируемое преступление в составе группы лиц по предварительному сговору – по основному составу (ч. 1 ст. 214 УК РФ). И это при том, что степень общественной опасности преступления, совершенного в

составе группы лиц по предварительному сговору, выше, нежели совершенного группой лиц.

Квалификация по ч. 2 ст. 214 УК РФ без включения обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ (группа лиц по предварительному сговору), представляется неправильной, а именно – недостаточной, в силу того, что предусматривает вид соучастия (группу лиц), признаки которого отсутствуют в содеянном при наличии иного вида умышленного совместного совершения умышленного преступления (группы лиц по предварительному сговору).

Анализ приговоров по ст. 214 УК РФ показывает, что в нашей стране отсутствуют случаи осуждения виновных в вандализме лиц в составе группы лиц по предварительному сговору.

Как представляется, фактически такие преступления совершаются. Однако, исходя из законодательной конструкции ст. 214 УК РФ, совершение рассматриваемого преступления в соучастии суды оценивают как вандализм только в рамках группы лиц даже в случаях, когда на наличие предварительной договоренности указывают сами виновные лица.

Например, Вахитовским районным судом г. Казани Бескровный, Шагиев и Карташов осуждены за совершение нескольких преступлений, в том числе за вандализм в составе группы лиц. При этом, как указано в приговоре, «мысль рисовать на зданиях» между соучастниками была обговорена заранее (показания Шагиева). Несмотря на это обстоятельство, действия виновных лиц оценены по ч. 2 ст. 214 УК РФ (вандализм, совершенный группой лиц) без применения п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ [78].

Данный пример показывает, как правоприменители принимают решения по уголовно-правовой оценке в ситуации отсутствия в статье квалифицирующего отягчающего признака «группы лиц по предварительному сговору» при наличии иного вида соучастия – «группы лиц». Такой подход при квалификации является вынужденным, обусловленным законодательным несовершенством конструкции анализируемой статьи.

С точки зрения правильного толкования норм Общей части УК РФ, посвященных соучастию, такая квалификация является неправильной – действия виновных оцениваются как совершенные в составе группы лиц, в то время как фактически имеет место группа лиц по предварительному сговору.

Подобную и иные схожие позиции судов можно объяснить положением Постановления Пленума ВС РФ от 10.06.2010 № 12, в п. 16 которого прописано, что «если состав совершенного преступления не предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение его организованной группой, действия лица подлежат квалификации по части 2 статьи 210 УК РФ и соответствующей части (пункту) статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, содержащей квалифицирующий признак «группой лиц по предварительном сговору», а при его отсутствии – по признаку «группой лиц».

Следует отметить, что с официальной точки зрения позиции Пленума Верховного Суда РФ, изложенные в постановлениях по отдельным категориям дел, не являются обязательными. Вместе с тем правоприменители не могут их игнорировать в силу «высокого авторитета ВС РФ, высокой квалификации судей этого органа» [83, с. 5]. Поэтому в подобных ситуациях практические работники (сотрудники) учитывают положения п. 16 указанного постановления, тем самым вынужденно подменяя «группу лиц» «группой лиц по предварительному сговору», оценивая вандализм по ч. 2 ст. 214 УК РФ, то есть при фактическом наличии в содеянном одного вида соучастия, указывают на наличие иного вида.

Считаем, в таких случаях имеет место аналогия закона, под которой понимают «применение к неурегулированному в конкретной норме отношению нормы закона, регламентирующей сходные отношения»², которая согласно ч. 2 ст. 3 УК РФ недопустима. Несмотря на то, что многие представители доктрины уголовного права придерживаются позиции, согласно которой аналогия допустима, так как позволяет преодолевать пробелы в праве, в том числе уголовном, как представляется, данная правовая

категория при применении норм уголовного закона «влечет нарушение принципа законности, а вовсе не восполнение пробелов в праве» [86, с. 44].

С нашей точки зрения, квалифицировать вандализм, фактически совершенный в составе группы лиц по предварительному сговору, по ч. 2 ст. 214 УК РФ нельзя, так как будет иметь место не только нарушение общих принципов уголовного права (законности, вины), основополагающих начал квалификации преступлений (полноты, толкования сомнения в пользу лица, чьи действия оцениваются), но и прав, законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Следующим возможным вариантом оценки вандализма, совершенного группой лиц по предварительному сговору, является квалификация по ч. 2 ст. 214 УК РФ (с включением в уголовно-правовую оценку из ч. 2 указанной нормы квалифицирующего отягчающего признака «группа лиц») с применением п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ (с включением такого обстоятельства, отягчающего наказание, как группа лиц по предварительному сговору). Однако такой подход видится неправильным в силу того, что дважды учитывается такой признак, как группа лиц. То есть фактически применяется двойное вменение, являющееся негативным явлением в современной правоприменительной практике.

Таким образом, вандализм, фактически совершенный группой лиц по предварительному сговору, имеет несколько возможных вариантов уголовно-правовой оценки, использование только одного из которых представляется законным. При этом в правоприменении сложился подход, связанный с квалификацией таких случаев по ч. 2 ст. 214 УК РФ, являющийся необоснованным.

Следовательно, в силу действующей конструкции ст. 214 УК РФ, для обеспечения реализации принципов уголовной ответственности, общих начал уголовно-правовой оценки, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, единственно верным вариантом квалификации вандализма,

совершенного группой лиц по предварительному сговору, является оценка по ч. 1 ст. 214 УК РФ с применением п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В целях унификации норм Особенной части уголовного закона, устранения проблем при квалификации в правоприменительной деятельности и разрешения споров среди представителей доктрины уголовного права, видится целесообразной необходимость дополнения ч. 2 ст. 214 УК РФ таким квалифицирующим отягчающим признаком, как группа лиц по предварительному сговору.

На основании изложенного, можно предложить следующие выводы по данной главе:

Помимо объекта (общественный порядок и общественная безопасность), направленности и содержания умысла виновного, для состава хулиганства уместен критерий общественного места, в котором имеется, с одной стороны, признак присутствия третьих лиц, и с другой – их общение (иное взаимодействие), в противном случае можно столкнуться с проблемами толкования хулиганства и разграничения со смежными составами.

Для решения проблем квалификации хулиганства, обусловленных, прежде всего, сложностью установления хулиганского мотива, как обязательного признака рассматриваемого состава преступления, представляется целесообразным:

- дополнить на законодательном уровне объективную сторону состава хулиганства таким признаком как «общественное место» ввиду того, что исходя из специфики мотива совершения данного преступления, оно совершается в общественных местах;
- в постановлении Пленума Верховного Суда РФ о хулиганстве или на законодательном уровне (в примечании к ст. 213 УК РФ) раскрыть понятие «общественное место».

Наряду с хулиганством, к преступлениям, направленным против общественного порядка, относится вандализм, под которым, согласно ч. 1

ст. 214 УК РФ, понимается осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах.

В силу действующей конструкции ст. 214 УК РФ, для обеспечения реализации принципов уголовной ответственности, общих начал уголовно-правовой оценки, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, единственно верным вариантом квалификации вандализма, совершенного группой лиц по предварительному сговору, является оценка по ч. 1 ст. 214 УК РФ с применением п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В целях унификации норм Особенной части уголовного закона, устранения проблем при квалификации в правоприменительной деятельности и разрешения споров среди представителей доктрины уголовного права, видится целесообразной необходимость дополнения ч. 2 ст. 214 УК РФ таким квалифицирующим отягчающим признаком, как группа лиц по предварительному сговору.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить следующее:

Понятие общественной безопасности раскрывается в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации. Помимо термина «общественная безопасность» в законодательстве также употребляется термин «национальная безопасность». Определение «национальная безопасность» более широкое, чем термин «общественная безопасность». Иными словами «общественная безопасность» – это часть национальной безопасности.

Всего раздел IX УК РФ насчитывает 112 статей, от ст. 205 УК РФ до ст. 274 УК РФ. Рассредоточены они по пяти главам.

В части оснований классификации преступлений против общественной безопасности и общественного порядка на виды среди ученых выработана единая позиция. Приоритетной является классификация по объекту преступления. А вот на предмет отнесения конкретного состава преступления к той или иной группе мнения ученых разделяются, что вполне объяснимо, поскольку возникает разная трактовка непосредственного объекта и признаков объективной стороны преступления.

Соответственно, одним из оснований классификации преступлений против общественной безопасности и общественного порядка является видовой объект преступления, который лежит в основе деления УК РФ на главы.

Применительно к преступлениям, расположенным в разделе IX УК РФ, приоритетным является охрана общественной безопасности. При этом размер наказания за совершение отдельных преступлений против общественной безопасности (террористический акт, захват заложника) сопоставим с размером наказаний за наиболее тяжкое преступление против личности – убийство (ст. 105 УК РФ).

Анализируя уголовное законодательство стран ближнего зарубежья на предмет ответственности за преступления против общественной безопасности и общественного порядка необходимо отметить как сходства, так и различия по данному вопросу с российским уголовным законодательством как в части расположения рассматриваемой категории преступлений, так и в части выделения их видов и формулировки признаков составов.

Проблемы квалификации преступлений террористической направленности обусловлены схожестью признаков данных деяний и недостаточной правоприменительной практикой по новым для УК РФ составам преступлений.

Терроризм является многогранным, сложным явлением, которое, к сожалению, является неотъемлемой частью общественной жизни последних десятилетий. В сознании всего общества и в законодательстве практически всех государств он представляет собой одно из самых серьезных преступлений, ответственность за которые предусматривает наказание вплоть до высшей меры.

Несмотря на обширный перечень преступлений террористической направленности, центральным элементом понятия терроризма является террористический акт, влекущий наиболее серьезный ущерб.

Уголовно-правовая характеристика террористического акта, подготовки к нему, пропаганды терроризма и захвата заложников по УК РФ требует существенной корректировки сложившихся на сегодня в российской уголовно-правовой доктрине позиций, а затем и корректировки действующего законодательства.

Под понятием угрозы террористического акта следует понимать психическое воздействие, которое выражается в запугивании, устрашении населения, органов власти и местного самоуправления, создании определенной опасности. Субъектом финансирования терроризма является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, предоставившее или осуществившее сбор средств либо оказавшее

финансовую услугу с осознанием того, что это предназначено для финансирования терроризма. При этом субъекты в зависимости от целевого использования полученных средств делятся на финансируемых и финансирующих терроризм лиц. В частности, субъекты, осуществляющие сбор материальных и иных средств с осознанием того, что они предназначены для финансирования террористической организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных в примечании 1 к ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, являются финансирующими терроризм лицами. А сторонники терроризма, ведущие сбор средств в целях самофинансирования, являются финансируемыми лицами.

Уголовным законом предусмотрена ответственность не за сам бандитизм, а за создание, руководство и участие в организованной группе. Поэтому для раскрытия преступления необходимо правильно применить диспозицию нормы, которая предусматривает ответственность за его совершение. Такая квалификация позволит уяснить следователю или суду основные квалифицирующие признаки состава преступления, которые необходимо проанализировать в ходе расследования уголовного дела, а также позволит избежать ошибок в следственно-судебной практике. Однако эффективность существующих уголовно-правовых средств борьбы с бандитизмом достаточно низкая, что свидетельствует о недостатках уголовного законодательства. Это подтверждается и системным анализом норм УК РФ, которые предусматривают ответственность за сходные действия участников организованной группы (незаконно вооруженное формирование, организация преступного сообщества, вооруженный разбой, и др.).

Анализ судебной статистики по ст.ст. 162, 209, 210 УК РФ свидетельствует о том, что деяния, предусмотренные ст. 209 УК РФ, не всегда квалифицируются данными нормами, поскольку объективная сторона преступления просматривается в ряде нескольких смежных составов преступлений. Отсюда возникают логичные выводы о том, что уголовное законодательство требует разъяснений по разграничению смежных составов

преступлений, что позволит в будущем более эффективно применять норму, предусмотренную ст. 209 УК РФ и, соответственно, назначать справедливое наказание виновным лицам.

Основным отличием банды от преступного сообщества (преступной организации) является ее вооруженность, отсутствие свойства структурированности, создание в целях нападения, а также отсутствие объединения нескольких самостоятельных организованных групп в одно целое. Поэтому можно сказать, что банда отличается качественно опасными признаками, в то время как преступное сообщество – по количественным.

При осуществлении квалификации хулиганства в настоящее время правоприменитель по-прежнему сталкивается с рядом проблем, обусловленных неточностью терминологии, отсутствием единообразной практики, неполнотой руководящих разъяснений высшего судебного органа.

Помимо объекта (общественный порядок и общественная безопасность), направленности и содержания умысла виновного, для состава хулиганства уместен критерий общественного места, в котором имеется, с одной стороны, признак присутствия третьих лиц, и с другой – их общение (иное взаимодействие), в противном случае можно столкнуться с проблемами толкования хулиганства и разграничения со смежными составами.

Для решения проблем квалификации хулиганства, обусловленных, прежде всего, сложностью установления хулиганского мотива, как обязательного признака рассматриваемого состава преступления, представляется целесообразным:

- дополнить на законодательном уровне объективную сторону состава хулиганства таким признаком как «общественное место» ввиду того, что исходя из специфики мотива совершения данного преступления, оно совершается в общественных местах;
- в постановлении Пленума Верховного Суда РФ о хулиганстве или на законодательном уровне (в примечании к ст. 213 УК РФ) раскрыть понятие «общественное место».

В силу действующей конструкции ст. 214 УК РФ, для обеспечения реализации принципов уголовной ответственности, общих начал уголовно-правовой оценки, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, единственно верным вариантом квалификации вандализма, совершенного группой лиц по предварительному сговору, является оценка по ч. 1 ст. 214 УК РФ с применением п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В целях унификации норм Особенной части уголовного закона, устранения проблем при квалификации в правоприменительной деятельности и разрешения споров среди представителей доктрины уголовного права, видится целесообразной необходимость дополнения ч. 2 ст. 214 УК РФ таким квалифицирующим отягчающим признаком, как группа лиц по предварительному сговору.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абрамова А.А. Особенности субъекта преступления в сфере финансирования терроризма и его криминалистическое значение // Российский следователь. 2021. № 5. С. 38-41.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 28 января 2015 г. № 23-АПУ14-14 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2017 г. № 201-АПУ17-45 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 декабря 2017 г. № 5-АПУ17-118 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 31 января 2019 г. № 205-АПУ18-35 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2019 г. № 201-АПУ18-57 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15 октября 2019 г. № 203-АПУ19-15 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 ноября 2019 г. № 44-АПУ19-14 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
9. Бакишев К. А., Чучаев А. И. Уголовно-правовая охрана безопасности транспорта по законодательству Казахстана и России. М., 2020. 376 с.
10. Балябин В.Н. О некоторых вопросах квалификации преступления, предусмотренного статьей 207 УК РФ // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 22-26.

11. Батычко В.Т. Уголовное право. Особенная часть: учебник. Таганрог : ИТА ЮФУ, 2015. 942 с.
12. Бельский К.С. Полицейское право: лекционный курс. М. : Дело и сервис, 2004. 814 с.
13. Гитинова М.М. К вопросу о целесообразности выделения усеченного состава преступления // Современный ученый. 2022. № 1. С. 279-283.
14. Головненков П.В. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. М., 2020. 489 с.
15. Гопций Я.В. Особенности отграничения разбоя от бандитизма // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 19. С. 133-134.
16. Гришко Е. Понятие преступного сообщества (преступной организации) и его место в институте соучастия // Уголовное право. 2015. № 2. С. 17-20.
17. Дейнега Н.В. Уголовно-правовая характеристика бандитизма и отграничение его от смежных составов преступлений: автореф. дисс... канд. юр. наук. Тамбов, 2007. 23 с.
18. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, утвержденная резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 г. // Действующее международное право. Т. 3. М. : Московский независимый институт международного права, 1997. С. 90-94.
19. Демчук С. Д. Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия // Lex russica. 2022. Т. 75. № 2. С. 34-45.
20. Деньги для террористов собирали и растрачивали. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4109037> (дата обращения: 15.03.2022).
21. Дубовик О.Л. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М. : Спарк, 1998. 352 с.

22. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1955. 211 с. // URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie4428.html> (дата обращения: 23.03.2022).

23. Жевлаков Э.Н. Экологические преступления: понятие, виды, проблемы ответственности: дисс....д-ра юр. наук. М., 1991. 496 с.

24. Жевлаков Э.Н., Сулова Н.В. Экологическая преступность в Российской Федерации в 1990-2000 гг. // Уголовное право. 2000. № 3. С. 67-74.

25. Жерновой М.В. Законодательное обеспечение борьбы с «телефонным терроризмом» в России // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 53-54.

26. Жителя Чечни осудили на девять лет за сбор денег для террористов. URL: <https://rg.ru/2020/06/17/reg-skfo/> (дата обращения: 15.03.2022).

27. Жулев В.И. Транспортные преступления. Комментарий законодательства. М. : Спарк, 2001. 190 с.

28. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769 (утратил силу).

29. Зырянов С.Г., Лукин А.Н. Роль формальных и неформальных институтов в развитии гражданского общества // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 7-18.

30. Зырянов С.Г., Лукин А.Н. Эволюция взглядов на взаимосвязь гражданского общества и государства в истории политической мысли // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 19-30.

31. Европейская конвенция о пресечении терроризма (ETS N 90) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 27.01.1977) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 3. Ст. 202.

32. Идрисов Н.Т. Принципы, правила и критерии правильной квалификации преступлений // Достижения вузовской науки. 2016. № 23. С. 200-205.

33. Ильясова Д.Г. Проблемы обеспечения общественного порядка // Юридический факт. 2020. № 121. С. 35-36.

34. Казакова В.А., Бекботова Т.А. Некоторые признаки отграничения банды от незаконного вооруженного формирования // Российский следователь. 2011. № 19. С. 8-11.

35. Калустов Р.Г. Общественный порядок: понятие и содержание категории // Социология и право. 2020. № 2. С. 95-99.

36. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 81-О13-33 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

37. Квалификация преступлений против здоровья населения и общественной нравственности: учеб. пособие / под общ. ред. А.Н. Попова. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 99 с.

38. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. М. : Кросна-Лекс, 1997. 159 с.

39. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Заключена в г. Гааге 16.12.1970) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVII. М., 1974. С. 292-296.

40. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Заключена в г. Монреале 23.09.1971) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIX. М., 1975. С. 90-95.

41. Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения. Монография. М. : Изд-во «Щит-М», 1998. 296 с.

42. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

43. Копылов М.Н. Юридическая ответственность за экологические преступления: учеб. пособие. М. : Изд-во РУДН, 2004. 221 с.
44. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. Краткий курс. М. : Волтерс Клувер, 2010. 397 с.
45. Крылов И.С. Проблемы противодействия хулиганству на различных видах транспорта // Транспортное право и безопасность. 2022. № 1 (41). С. 78-85.
46. Круглов В.В., Гаевская Е.Ю. Об эффективности мер уголовной ответственности в области охраны окружающей среды, использования и охраны природных ресурсов в РФ // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 194-200.
47. Кудрявцев В.Л. Преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта // Вестник ЮУПИ. 2012. № 2 (8). С. 89-99.
48. Куричков Д.О. К вопросу о признаках хулиганства // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXV международной научно-практической конференции. Часть 2. Красноярск, 2022. С. 158-160.
49. Курс уголовного права: в пяти томах. Том 4: Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. 468 с.
50. Лебедев М.В. Национальная безопасность как основной объект преступлений террористической направленности // Российский следователь. 2021. № 1. С.40-44.
51. Лихачёв С. В., Гончаров С. П. Сущность и содержание категории «общественная безопасность» // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 5 (68). С. 158-165.
52. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. Монография. М. : Юрлитинформ, 2009. 352 с.
53. Ляпунов Ю.И. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. Учебное пособие. М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1974. 151 с.

54. Машинистова Н.Н. Проблемные вопросы понятия хулиганства в уголовном праве // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 895-898.

55. Международная конвенция по борьбе с бомбовым терроризмом от 16 декабря 1997 г. // Собрание законодательства РФ. 2001 г. № 35. Ст. 3513.

56. Мельникова Ю.Б., Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за бандитизм. Методическое пособие. М. : изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1995. 32 с.

57. Мирончик А.С., Качина Н.В. Общественная опасность экологических преступлений требует пересмотра карательной политики // Юридические исследования. 2018. № 8. С. 38-47.

58. Мусаелян М.Ф. Квалификация угрозы террористического акта в судебной практике // Комментарий судебной практики. М. : Юрид. лит., 2008, Вып. 14. С. 228-237.

59. Мягкоступов С. А. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма как преступление террористической направленности // Вестник молодого ученого Кузбасского института: сборник научных статей / отв. ред. Н.Н. Ивашко. Новокузнецк, 2021. С. 64-66.

60. Обобщение судебной практики по уголовным делам, связанным с обвинением лиц в совершении преступлений, предусмотренных ст. 209, 210 УК РФ, рассмотренных в Нижегородском областном суде. URL: <http://www.oblsudnn.ru/> (дата обращения: 16.03.2022)

61. Овчинникова Г.В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» от 10 июня 2010 года № 12. СПб.: С.-Петербург. юрид. институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2011. 32 с.

62. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азъ, 1994. 907 с.

63. Определение Конституционного Суда РФ от 23 октября 2014 г. № 2521-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алехиной Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

64. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017 г. № 1528-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гендлера Максима Олеговича на нарушение его конституционных прав положениями статей 35 и 210 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

65. Пачулия Н.А. Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, как признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 213 уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник КРУ МВД России. 2019. № 4 (46). С. 35-40.

66. Петров В.В. Экологическое преступление: понятие и составы // Государство и право. 1993. № 8. С. 88-89.

67. Петрухин И.Л. Правоохранительные органы в условиях социального бедствия, вызванного природными, техногенными и биологическими факторами // Право и чрезвычайные ситуации. Сборник статей. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1992. С. 116-133.

68. Пикуров Н.И. Квалификация транспортных преступлений. М., 2011. 54 с.

69. Полетаев А.П., Ткаченко В.А. Общественная безопасность Российской Федерации: сущность, содержание, структура // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2020. № 1 (4). С. 136-142.

70. Помнина С.Н., Николаева О.А. Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, как квалифицирующий признак хулиганства // Оригинальные исследования (ОРИС). 2021. № 11. С. 191-196.

71. Попов А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие. СПб., 2018. 68 с.

72. Постановление Беловского городского суда Кемеровской области от 15 декабря 2018 г. № 5-752/2018 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

73. Постановление Нелидовского городского суда Тверской области от 7 декабря 2018 г. по делу № 1-145/2018 (о направлении уголовного дела по подсудности) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

74. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

75. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2008. № 1.

76. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8

77. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

78. Приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 16 октября 2017 г. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/467098.html> (дата обращения: 18.01.2022).

79. Приговор Иланского район суда от 21 июля 2020 г. по делу № 1-68/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YRqc4QmIqgm5/> (дата обращения: 23.05.2022).

80. Приговор Скопинского районного суда Рязанской области от 09.08.2019 г. по делу № 1-49/2019 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

81. Приговор Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края от 9 июня 2018 г. по делу № 1-99/2018 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

82. Приговор Черняховского городского суда Калининградской области от 12 декабря 2019 г. по делу № 1-200/2019 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

83. Рарог А.И. Судебный прецедент – источник уголовного права? // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 4. С. 3-8.

84. Решение Новгородского районного суда Новгородской области от 27 марта 2018 г. по делу № 2-1787/2018 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

85. Розенко С.В. Вандализм как преступление экстремистской направленности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 6. С. 191-202.

86. Романов А.К. Почему недопустима аналогия закона в уголовном праве // Законность. 2011. № 5. С. 43-47.

87. Российское уголовное право: Курс лекций. В 8 т. Т. 5 / Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 2001. 590 с.

88. Российское уголовное право Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М. : Юристъ, 1997. 496 с.

89. Самойлюк Н.В. К вопросу о видах преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта // Новейшие достижения и успехи развития: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Краснодар: изд-во. Федерального центра науки и образования «Эвенсис», 2017. С. 11-14.

90. Сацута А.И. Общественная безопасность как явление в теоретическом и политикопрактическом измерениях // Мир образования – образование в мире. 2018. № 3 (71). С. 68-74.

91. Скрипкина Ю.Г. К вопросу о понятии общественного порядка // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 5. С. 93-97.

92. Смирнов И.О. Особенности квалификации организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем при отграничении от бандитизма // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 3. С. 123-124.

93. Сиренко Б.Н., Ветчинова Ю.И. Проблемы отграничения бандитизма от смежных составов преступления // Сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. Юго-Западный государственный университет. Курск, 2021. С. 445-450.

94. Статистика и аналитика // Состояние преступности за 2018, 2019, 2020, 2021 г.г. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 28.02.2022).

95. Точка А.В. Преступления против общественного порядка: криминализация, систематизация, уголовно-правовое содержание: дисс... канд. юр. наук. Краснодар, 2014. 210 с.

96. Тулупов Я.Ю. Становление и развитие уголовной ответственности за террористическую деятельность // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 43. С. 160-166.

97. Уголовное право России. Практический курс : учебно-практическое пособие : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А. В. Наумова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2007. 783 с.

98. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. СПб. : Издательство СПбГУ, 2013. 600 с.

99. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. - М. : Юстицинформ, 2016. 580 с.

100. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. проф. А.И. Рарога. - М.: Институт международного права и экономики. Изд-во «Триада, Лтд», 1996. 480 с.

101. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. 3-е изд., перераб. и доп. - М. : Проспект, 2018. 592 с.

102. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. 3-е изд. перераб. и доп. - М. : Волтерс Клувер, 2005. 880 с.

103. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики, утвержденный Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 28.02.2022).

104. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 28.02.2022).

105. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 28.02.2022).

106. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 28.02.2022).

107. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 28.02.2022).

108. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 28.02.2022).

109. Уголовный кодекс Республики Узбекистан, утвержденный Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 28.02.2022).

110. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

111. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 28.02.2022).

112. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 28.02.2022).

113. Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 47 (1 ч.). Ст. 5749.

114. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

115. Указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

116. Ульянова В.В. Противодействие финансированию терроризма: дисс. ... канд. юр. наук, Екатеринбург, 2010. 184 с.

117. Утямишев А., Якушева Т. Соотношение бандитизма и организации преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. 2008. №5. С. 71-72.

118. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

119. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. 27 июля.

120. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

121. Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. Ст. 1536.

122. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.

123. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 82.

124. Фомин В. В. Что понимать под применением оружия и предметов, используемых в качестве оружия при совершении хулиганства? // Уголовно-исполнительное право. 2019. № 1. С. 59-63.

125. Хлебушкин А.Г. Субъект преступления: лекция // Мир политики и социологии. 2018. № 26. С. 163-164.

126. Шарапов Р.Д. Вопросы квалификации хулиганства // Криминалистика. 2020. № 2 (31). С.53-55.

127. Шарапов Р.Д. Хулиганство // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1 (51). С. 21-28.

128. Шарипкулова А.Ф. Предмет экологического преступления: автореф. дисс. канд. юр. наук. Тюмень., 2009. 22 с.

129. Шевченко П. Н. К вопросу о содержании понятия «общественный порядок» // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11. С. 37-40.

130. Шестало С.С. Телефонный терроризм // Консультант плюс: справочно-правовая система.

131. Шесть миллионов боевикам: в России пресекли сбор денег для террористов из Сирии. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/675513-fsb-terroristy-dengi> (дата обращения: 15.03.2022).

132. Эйсмонт Я.А. Угроза террористического акта: вопросы квалификации // Научный поиск курсантов: сборник материалов

Международной научной конференции (Могилев, 19 февраля 2021 года).
Могилев: Могилев. институт МВД, 2021. С. 231-232.

133. Юсупов З.З. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности или публичные оправдание терроризма по уголовному праву зарубежных стран (на примере Германии) // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 33. С. 327-329.

134. Якушева Т.В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): дисс... канд. юр. наук. М., 2016. 219 с.

135. Davis James R. Criminal Justice in New York City s. Jefferson, North Carolina; London: McFarland & Company, Inc., Publishers, 1990. 166 p.

136. Rollin M. Perkins, Ronald N. Boyce. Criminal Law 477, 3d ed., 1982. 233 p.

137. Ruby Charles L. The Definition of Terrorism // Analyses of Social Issues and Public Policy. 2002. Vol. 2. Issue 1. P. 9-14.

138. Taylor R., Caeti T., Loper D., Fritsch E. and Liderbach J. Digital Crime and Digital Terrorism. Upper Saddle River, New Jersey : Prentice Hall, 2006. 397 p.

139. Verton D. Black Ice: The Invisible Threat of Cyber-Terrorism. New York: McGraw-Hill Osborne Media, 2003. 273 p.